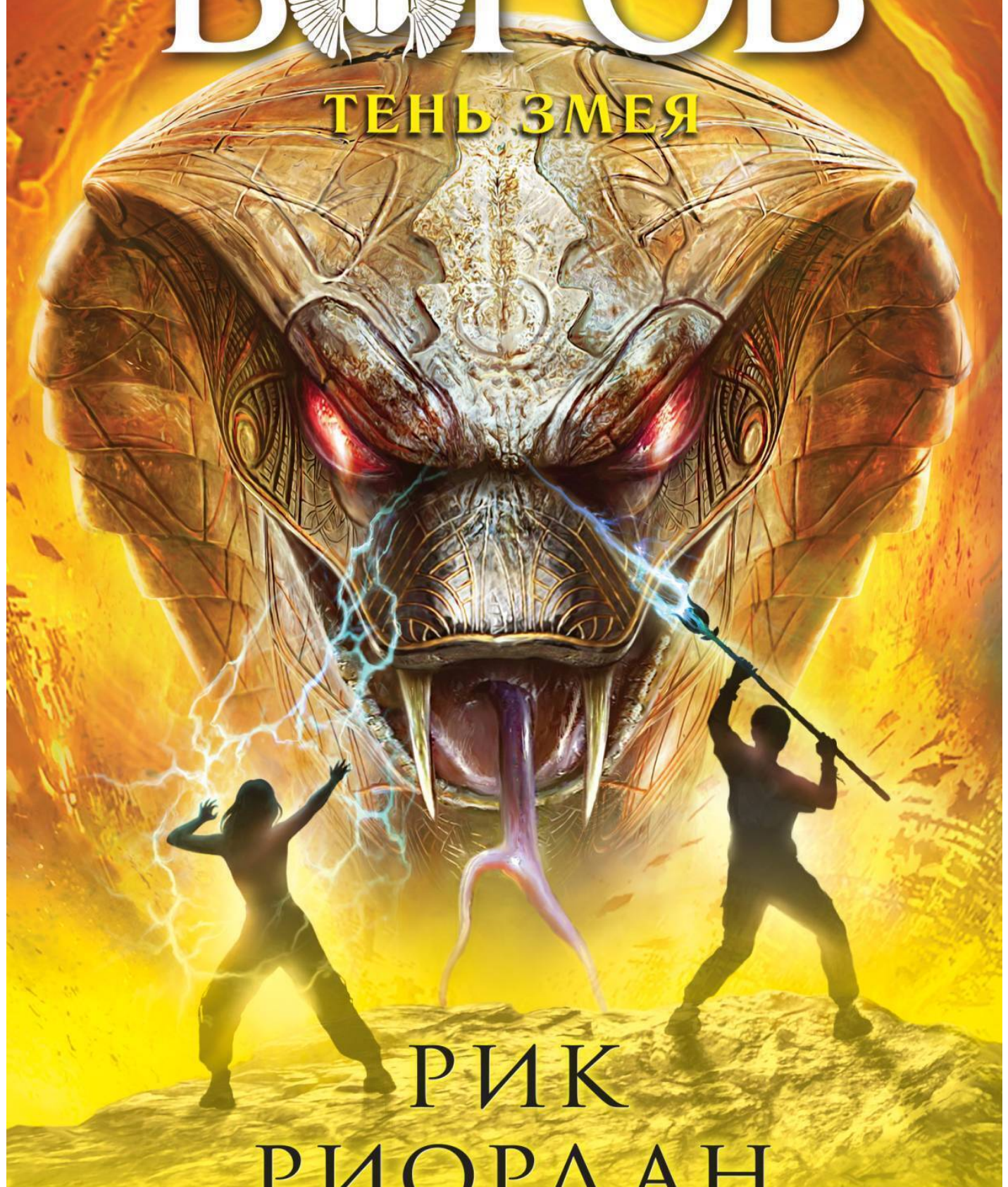

НОВАЯ СЕРИЯ ОТ СОЗДАТЕЛЯ «ПЕРСИ ДЖЕКСОНА»!

НАСЛЕДНИКИ БОГОВ

ТЕНЬ ЗМЕЯ

РИК
РИОРДАН

Вселенная Перси Джексона и наследников богов

Рик Риордан

Тень змея

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Тень змея / Р. Риордан — «Эксмо», 2012 — (Вселенная Перси
Джексона и наследников богов)

ISBN 978-5-04-151072-5

Оказывается, чтобы победить змея Апопа, нужно провести особый магический ритуал с его тенью. И после того как она будет полностью уничтожена, Апоп навсегда исчезнет с лица земли. Но этот обряд чрезвычайно опасен и требует от выполняющего его мага колоссальных сил. Одним словом, если что-то пойдет не так, мы с Сейди погибнем. Впрочем, маленький шанс все же есть. Не зря ведь все боги наконец объединились и пришли нам на помощь. Грядет финальная битва, от которой зависит судьба всего мира!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-151072-5

© Риордан Р., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Предупреждение	6
1	7
2	16
3	25
4	36
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рик Риордан

Тень змея

© Васильева А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается трем великим редакторам: Кейт Мичак, Дженнифер Бессер и Стефани Лури – магам, благодаря которым мои слова увидели свет.

Предупреждение

Данный текст представляет собой расшифровку аудиозаписи. Ранее Картер и Сейди Кейн уже дважды посылали мне подобные записи, которые я опубликовал под заголовками «Красная пирамида» и «Огненный трон». Будучи крайне признателен Кейнам за их неослабевающее доверие, считаю своей обязанностью предупредить, что эта запись представляется мне наиболее тревожной. Посылка с кассетой была доставлена мне в сильно помятой коробке с отметинами от когтей и зубов. Зоологи, к которым я обратился за помощью, не смогли установить их принадлежность. Если бы не защитный символ на упаковке, я сильно сомневаюсь, что эта посылка вообще уцелела бы при доставке. Читайте, и вы поймете почему.

1

Мы устраиваем взрыв и пожар на вечеринке

Сейди

Говорит Сейди Кейн.

Если вы меня слушаете – поздравляю! Значит, вы пережили конец света.

Пользуясь случаем, я хотела бы извиниться за возможные неудобства, которые он мог вам причинить. Я имею в виду землетрясения, мятежи, восстания, торнадо, наводнения, цунами, ну и, конечно, гигантскую змею, проглотившую солнце. Боюсь, вина за многие из этих бедствий лежит на нас. Ну и мы с Картером решили, что должны по крайней мере объясниться, как так получилось.

Возможно, это наша последняя запись. К тому времени, как вы выслушаете нашу историю до конца, вы непременно поймете почему.

В общем, наши проблемы начались в Далласе, когда огнедышащие овцы разнесли выставку фараона Тутанхамона.

В тот вечер маги штата Техас устраивали вечеринку в саду скульптур – том самом, что расположен через дорогу от Музея искусств Далласа. Мужчины щеголяли в смокингах, не отказываясь, однако, от ковбойских сапог, а женщины радовали глаз вечерними туалетами и прическами, напоминающими о сахарной вате.

Музыканты на невысокой эстраде посреди просторной открытой веранды наигрывали кантри, деревья мерцали огоньками гирлянд. Если бы маги не выныривали то и дело из потайных дверей в статуях и не разгоняли огненными вспышками особо докучливых комаров, это было бы похоже на самую обычную вечеринку под открытым небом.

Глава Пятьдесят Первого нома по имени Джей-Ди Гриссом оживленно болтал с гостями, не забывая воздавать должное большому блюду с аппетитными лепешками-так-с-пряной-говядиной. Очень неловко было его отвлекать от этих удовольствий, но пришлось. Учитывая опасность, которая ему угрожала, мы просто обязаны были срочно с ним переговорить.

– Нападение? – недоверчиво нахмурился он. – Но выставка Тутанхамона открылась уже месяц назад. Если Апоп намеревается атаковать ее, почему же он до сих пор этого не сделал?

Джей-Ди был рослый здоровяк с грубым, обветренным лицом, волнистыми рыжими волосами и загрубевшими, мозолистыми руками, как будто покрытыми древесной корой. На вид ему можно было дать лет сорок, но с магами никогда не скажешь наверняка. Ему запросто могло быть и четыреста. По случаю праздника он украсил свой черный костюм галстуком-боло, а также ремнем со здоровенной пряжкой в виде серебряной звезды, как у маршалов времен Дикого Запада.

– Давайте поговорим по дороге, – предложил Картер, увлекая нас в другой конец сада.

Должна признать, держался братец очень уверенно, по-взрослому так. Молодец.

Хотя, конечно, все равно выглядел как полный лопух. Из густой шапки его курчавых волос слева был выдран изрядный клоч – след «дружеской ласки» его ручного грифона, а по

многочисленным порезам на подбородке легко было догадаться, что искусство бритья он начал осваивать лишь недавно. Правда, с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать, он заметно вытянулся, да и мышцы нарастил: сказались постоянные тренировки по боевой магии. Черное льняное одеяние придавало ему взрослый и серьезный вид, который особенно подчеркивал кривой меч-*хоней* на его боку. Пожалуй, я уже даже смогла бы вообразить брата в роли предводителя среди других мужчин и при этом не умереть от истерического хохота.

(А что ты на меня так смотришь, Картер? По-моему, это описание должно тебе льстить.)

Проходя мимо буфетной стойки, братец загреб пригоршню чипсов из тортильи.

– Апоп действует по плану, – сообщил он Джей-Ди. – Все прочие нападения случались в новолуние, когда ночи особенно темные. Поверьте, он непременно нанесет удар по музею именно сегодня. И удар будет серьезный.

Джей-Ди протиснулся мимо кучки магов с бокалами шампанского, поспевая за Картером.

– Прочие нападения... ты имеешь в виду Чикаго и Мехико?

– И Торонто, – добавил Картер. – И... некоторые другие.

Я-то сразу поняла, что говорить подробнее ему не хочется. Те нападения, которые нам довелось видеть своими глазами этим летом, до сих пор снились нам в кошмарах.

Хотя, говоря по правде, настоящий конец света так пока и не наступил. Прошло уже полгода с тех пор, как Змей Апоп, воплощение Хаоса, вырвался из своей тюрьмы в Нижнем мире, однако вопреки нашим худшим ожиданиям его полномасштабное наступление на смертный мир почему-то откладывалось. Наверное, он выжидал подходящего момента, но не давал нам расслабиться, время от времени нанося удары по отдельным номам, которые считались спокойными и безопасными.

Вот как этот, подумала я про себя.

Когда мы проходили мимо веранды, музыканты как раз доиграли очередную песенку. Хорошенькая белокурая женщина опустила скрипку и помахала смычком Джей-Ди.

– Дорогой, иди сюда! – позвала она весело. – Подыграешь нам на стил-гитаре.

– Я скоро, милая, – отозвался он, выдавив улыбку. – Это моя жена, Энни, – добавил он, обращаясь к нам.

– Она тоже маг? – полюбопытствовала я.

Он кивнул, заметно помрачнев.

– Насчет этих нападений... почему вы так уверены, что Апоп ударит именно *здесь*?

Картер как раз набил рот чипсами, так что вместо внятного ответа у него получилось только «Мхм-мфм».

– Он охотится за определенным артефактом, – перевела я, поморщившись. – Пять его копий он уже уничтожил. Уцелела только одна, шестая, и она находится как раз на вашей выставке, посвященной Тутанхамону.

– И что же это за артефакт? – насторожился Джей-Ди.

Я замялась. Вообще-то перед тем, как отправиться в Даллас, мы окружили себя всеми возможными экранирующими заклинаниями и обвешались кучей амулетов-глушилок, чтобы никто не мог нас подслушать, но мне все равно страшно не хотелось говорить о наших планах вслух.

– Давайте лучше мы вам покажем, – сказала я, оглябая фонтан, возле которого двое молоденьких магов вычерчивали своими жезлами на каменных плитах светящуюся надпись: «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ». – Мы привели с собой на подмогу собственную высококлассную экспертную группу. Они уже ждут в музее. Если вы позволите нам осмотреть артефакт, а также забрать его с собой на сохранение...

– Забрать с собой? – Лицо Джей-Ди посуровело. – Послушайте, у нас тут отличная охрана. Лучшие маги стерегут выставку днем и ночью. Думаете, в Бруклинском Доме наши экспонаты будут в лучшей сохранности?

Мы остановились у выхода из сада. На той стороне улицы виднелся здоровенный, в два этажа высотой, рекламный баннер выставки фараона Тутанхамона над входом в музей.

Картер молча вынул из кармана мобильный телефон и сунул его Джей-Ди, вызвав на экран картинку: фотографию пылающего особняка, который некогда был штаб-квартирой Сотого нома в Торонто.

– Я не сомневаюсь, что у вас отличная охрана, – сказал он. – Просто мы считаем, что вашему ному лучше не становиться мишенью для Апопа. Там, где он нападал раньше... вот как в Торонто... приспешники Змея не оставили в живых никого.

Джей-Ди мрачно посмотрел на экран телефона, а потом невольно оглянулся на свою жену Энни, которая как раз наяривала на скрипке развеселый тустеп.

– Ладно, – буркнул он. – Надеюсь, эти ваши эксперты свое дело знают.

– О, можете не сомневаться. Ребята просто высший класс. Настоящие мастера. Пойдемте, мы вам их представим.

Нашу высококлассную экспертную группу мы застали за набегом на ларек с сувенирами.

Феликс вызвал трех пингвинов, которые потерянно топтались вокруг в бумажных масках фараона Тутанхамона. Наш приятель-павиан по имени Хуфу сидел у стеллажа с книгами и увлеченно листал «Историю правления фараонов». Вид у него был бы вполне ученый, если бы при этом он не держал книгу вверх ногами. Уолт – о, милый Уолт, *с чего бы это?* – вскрыл ювелирную витрину и вдумчиво изучал браслеты и ожерелья с амулетами, как будто они и впрямь могли оказаться магическими. Элисса упражнялась в магии стихий, подняв в воздух не то два, не то три десятка глиняных горшочков, и теперь сосредоточенно жонглировала ими, выписывая восьмерку.

Картер звучно откашлялся.

Уолт замер с золотыми украшениями в руках. Хуфу попытался забиться под книжный стеллаж, отчего с него тут же посыпались книги. Горшки Элиссы градом падали на пол. Феликс панически зашикал на своих пингвинов, загоняя их под прилавок. (Правда, он почему-то убежден, что пингины являются непременным элементом магии. Боюсь, тут я бессильна что-либо объяснить).

Джей-Ди Гриссом побарабанил пальцами по своей пряжке в виде звезды.

– Так это и есть ваши мастера-эксперты? – поинтересовался он.

– Именно! – отозвалась я, стараясь улыбаться как можно непринужденнее. – Простите за беспорядок. Сейчас, гм... одну минуточку...

Я выдернула из-за пояса свой жезл и произнесла заклинание:

– *Хи-нем!*

Должна сказать, Божественная Речь давалась мне все лучше. Теперь мне обычно удавалось черпать силу моей богини-покровительницы Исиды, не падая при этом в обморок и даже ни разу не взорвавшись от перегрузки.

В воздухе полыхнул иероглиф «Соединись»:

Глиняные черепки мгновенно устремились друг к другу и соединились вместе. Книги послушно вернулись на полки, а с пингвинов слетели маски Тутанхамона, под которыми обнаружались – сюрприз! – пингвины в их первозданном виде.

Вид у наших друзей был слегка смущенный.

– Простите, – пробормотал Уолт, поспешно запихивая украшения обратно в витринный шкаф. – Мы тут немного заскучали...

На него я вообще не могу сердиться. Уолт рослый, атлетически сложенный парень с фигурой баскетболиста. Сегодня он, как всегда, был в спортивных штанах и майке без рукавов, которая открывала для обозрения его мускулистые руки. Кожа у него цвета горячего шоколада, и лицо красивое, с благородными царственными чертами, точь-в-точь как у статуй его предков-фараонов.

Как я к нему отношусь? Ну, это немного сложный вопрос. Как-нибудь потом расскажу.

Джей-Ди оглядел нашу команду, не выказывая большого воодушевления. Скрывает, решила я оптимистично.

– Приятно с вами познакомиться, – выдавил он. – Идемте со мной.

Главный вестибюль музея представлял собой просторное белое помещение с кофейными столиками (сейчас, разумеется, пустыми), небольшой эстрадой и высоким потолком, под которым мог бы свободно прохаживаться жираф. Через стеклянные стены открывался бесподобный вид на ночной Даллас, а с противоположной стороны виднелась лестница, ведущая на галерею с длинным рядом дверей, где, по всей видимости, располагались офисы.

Джей-Ди указал на галерею, где маячили двое мужчин в черных льняных одеяниях.

– Видите? Охранники дежурят повсюду.

Мужчины, держа наготове посохи и жезлы, посмотрели на нас, и я заметила, что их глаза светятся, а на скулах нарисованы иероглифы, из-за которых охранники выглядели как индейцы в боевой раскраске.

– Что это у них с глазами? – шепотом спросила Элисса.

– Наверное, такая особая магия, для наблюдения, – догадалась я. – Благодаря этим символам охранники могут видеть не только в нашем мире, но и в Дуате.

При этих словах Элисса прикусила губу. Поскольку ее покровителем был бог земли Геб, она любила надежные, прочные вещи вроде глины или камня, а высота или водные глубины внушали ей страх и неуверенность. И уж точно ей не нравилась даже мысль о Дуате – безбрежном магическом мире, который существует наряду с нашим материальным миром, миром смертных.

Как-то на занятиях я рассказала ребятам о Дуате как об океане, который плещется у нас под ногами и где многослойные магические измерения уходят в бесконечность... так бедняжке Элиссе чуть плохо не стало.

Десятилетний Феликс, впрочем, подобными сомнениями не терзался.

– Круто! – восхитился он. – Я тоже хочу светящиеся глаза.

Он поводил пальцами по щекам, оставив на них сияющие лиловые пятна в форме Антарктиды.

– Ну и как? Видишь Дуат? – хихикнула Элисса.

– Нет, – признался Феликс, – зато гораздо лучше вижу моих пингвинчиков.

– Нам лучше поторопиться, – напомнил всем Картер. – Обычно Апоп нападает, когда луна достигает самой высокой точки. А это случится...

– Агх, – сообщил Хуфу, подняв лапы с десятью растопыренными пальцами. Уж кто-кто, а павианы превосходно ориентируются в астрономии.

– Через десять минут, – перевела я. – Лучше не бывает.

Мы уже подошли ко входу на выставку Тутанхамона. Собственно, пропустить ее было трудно благодаря огромной золотой надписи «ВЫСТАВКА ФАРАОНА ТУТАНХАМОНА», около которой к тому же стояли двое магов, держа на поводках взрослых лоснящихся леопардов.

Картер изумленно уставился на Джей-Ди:

– У вас что, доступ ко всему музею?

Техасец невозмутимо пожал могучими плечами.

– Моя жена, Энни, председатель попечительского совета. Так какой артефакт вас интересует, молодые люди?

– Я изучил карту экспозиции, – уклончиво ответил Картер. – Пойдемте, я вам покажу.

Леопарды проявили живой интерес к сопровождающим нас пингвинам, однако охранники строго придерживали их за поводки и дали нам пройти.

Выставка и впрямь оказалась грандиозная, хотя вряд ли сейчас стоит вдаваться в подробности. В сущности, все египетские выставки похожи: сплошной лабиринт из саркофагов, статуй и всякой утвари, обилие золотых украшений и прочее в том же роде. Словом, вы себе представляете. Я так вообще шла мимо, не задерживая внимание на экспонатах: всякой этой египетской рухляди я насмотрелась столько, что на несколько жизней хватит, спасибо большое.

Мы шагали мимо целых витрин, полных *шабти* – глиняных статуэток, наверняка зачарованных так, чтобы по зову хозяина они сразу оживали. Терпеть их не могу, этих кукол. И мимо статуй, изображающих угрюмых монстров или всяческих неприятных богов, с которыми мне, увы, доводилось встречаться лично: среди них была богиня Нехбет, покровительница стервятников, которая однажды вселилась в мою бабушку (долгая история), и бог крокодилов Собек, который чуть не прикончил мою кошку (еще более долгая история), а также богиня-львица Сехмет, которую мы однажды победили с помощью острого соуса (а это уже такая история, про которую лучше даже не спрашивать).

Но больше всего меня расстроило другое изваяние: небольшая алебастровая статуэтка нашего друга Беса, бога карликов. Его изваяли много веков назад, но я сразу узнала приплюснутый нос, кустистые бакенбарды, выпирающее пузо и потрясающе безобразную физиономию, которая выглядела так, словно ее несколько раз приложили сковородкой. Мы были знакомы с Бесом всего несколько дней, но он отдал свою душу (в буквальном смысле) ради того, чтобы нам помочь. И теперь каждый раз, когда я думаю о Бесе, я вспоминаю о нашем неоплатном долгу перед ним.

Видимо, я задержалась у его статуи дольше, чем думала, потому что все остальные успели меня обогнать и уже заворачивали в соседний зал, метрах в двадцати впереди. Я собиралась нагнать их, как вдруг меня окликнул чей-то придушенный голос:

– Псст!

Я настороженно огляделась, на мгновение поверив, что это заговорила статуя Беса. Но тут голос позвал снова:

– Эй, куколка! Слушай внимательно! Времени совсем мало.

Прямо посреди стены, на уровне моего роста, под краской проступило мужское лицо, как будто кто-то пытался прорваться из-под штукатурки. Я разглядела крючковатый, похожий на орлиный клюв нос, тонкие губы жестокого рта и высокий лоб. Хотя цветом это лицо ничуть не отличалось от окружающей стены, выглядело оно куда более живым, и даже в неподвижном взгляде белых глаз чувствовалось нетерпение.

– Свиток ты уже не спасешь, куколка, – предупредил незнакомец. – Хотя даже если бы у тебя получилось, ты все равно ничего в нем не поймешь. Тебе понадобится моя помощь.

С тех пор, как я начала заниматься магией, со мной случилась масса необычных вещей, поэтому не могу сказать, что я остолбенела от изумления и страха. Но это вовсе не означало, что я готова поверить любому слову невесть кого, облепленного штукатуркой, которому взду-

малось со мной заговорить. Особенно если этот невесть кто называет меня *куколкой*. Пожалуй, он был похож на персонажа тех дурацких фильмов про мафию, которые обожали смотреть наши мальчишки в Бруклинском Доме, когда у них случалось свободное от занятий время. Эдакий типичный «дядя Винни».

– А ты кто? – поинтересовалась я.

Лицо фыркнуло.

– Как будто ты не знаешь. Как будто *хоть кто-то* не знает. У тебя всего два дня, прежде чем они меня прикончат. Так что, если вы хотите победить Апопа, может, вам стоит подключить свои связи и вытащить меня отсюда, а?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – отчеканила я.

Ни лицо, ни голос не были похожи ни на Сета – бога зла, ни на Змея Апопа, ни на других злодеев магического мира, с которыми я успела познакомиться, однако с теми, кто говорит с тобой из стены, ни в чем нельзя быть уверенным. На то она и магия, в конце концов.

«Дядя Винни» недовольно выпятил подбородок.

– Ладно, ладно, я понял. Тебе нужны доказательства доброй воли, так? Ну хорошо. Свиток тебе все равно не спасти, так что займись лучше золотым ларцом. Он даст тебе ключ к тому, что вам нужно... если, конечно, вам хватит сообразительности догадаться, как им воспользоваться. Послезавтра на закате, куколка. После этого мое предложение теряет силу, потому что я сам навсегда...

Он вдруг запнулся, белые глаза расширились, и через мгновение «дядя Винни» напрягся, словно его шею захлестнуло арканом; его лицо медленно погрузилось обратно в стену и пропало.

– Сейди? – окликнул меня Уолт. – Ты что там застряла? С тобой все в порядке?

– Ты это видел? – отозвалась я, поворачиваясь к нему.

– Что именно? – непонимающе нахмурился он.

Ну конечно, никто ничего не видел, подумала я. Какой интерес, если «дядя Винни» станет являться всем подряд? А так у меня есть возможность попереживать, что мой рассудок готов окончательно со мной проститься.

– Ничего, – буркнула я и побежала догонять ребят.

У входа в следующий зал нам пришлось миновать двух огромных обсидиановых сфинксов с телами львов и головами баранов. Картер говорит, такая разновидность сфинксов называется «криосфинксы». (Вот спасибо, Картер. Нам всем так не хватает твоей бесполезной информации. Умереть просто.)

– Агх! – предостерегающе рывкнул Хуфу, показывая пять пальцев.

– Пять минут осталось, – перевел Картер для тех, кто не понял.

– Дайте мне минутку, – вмешался Джей-Ди. – На этот зал наложены очень мощные охраняемые заклятия, я должен изменить их настройки, чтобы они дали нам возможность пройти.

– Но эти заклинания, – заволновалась я, – надеюсь, они все еще будут задерживать врагов, ну, вроде огромных змей Хаоса и все такое?

Джей-Ди глянул на меня с нескрываемым раздражением. Вообще-то взрослые часто на меня так смотрят, я уже привыкла.

– Я все-таки кое-что понимаю в защитной магии, – сказал он с некоторым сарказмом. – Можете мне доверять.

После чего он вынул свой жезл и начал нараспев читать заклинание.

Картер тем временем оттащил меня в сторону.

– Эй, с тобой все в порядке? – спросил он озабоченно.

Наверное, неожиданная встреча с «дядей Винни» все же не прошла для меня бесследно, раз брат обратил внимание на мой встрепанный вид.

– Да, все отлично, – кивнула я. – Я просто увидела там кое-что по дороге... Может, это один из фокусов Апопа, но...

Тут я посмотрела в другой конец коридора и увидела Уолта. Он вроде бы разглядывал золоченый трон в стеклянной витрине, но при этом тяжело опирался на стекло рукой, как будто ему сделалось нехорошо.

– Потом дорасскажу, – бросила я и направилась к Уолту.

В тусклом вечернем освещении его лицо приобрело красновато-коричневый оттенок, как холмы Египта.

– Что с тобой? – спросила я.

– Тутанхамон умер прямо на этом троне, – сказал он негромко.

Я внимательно прочитала надпись на карточке возле экспоната. Про смерть Тутанхамона там не было ни слова, но Уолт говорил очень уверенно. Наверное, решила я, он может чувствовать все, что связано с их родовым проклятием. Фараон Тутанхамон приходился Уолту прапра-миллион-раз-прадедушкой, и теперь тот же наследственный недуг, который убил молодого фараона в девятнадцать лет, затаилась в крови Уолта и набирала силу, когда он занимался магией. Наверное, Уолт мог бы продлить себе жизнь, отказавшись от своего призвания, но он не захотел. А теперь, глядя на трон своего далекого предка, он наверняка чувствовал себя так, словно читает собственный некролог.

– Мы найдем способ, как тебя вылечить, – пообещала я. – Как только разделаемся с Апопом...

Он посмотрел на меня, и я стушевалась и замолчала. Конечно, мы оба прекрасно знали, что наши шансы одолеть Апопа не очень-то велики. И даже если нам повезет, нет никаких гарантий, что Уолт доживет до победы и сможет ей порадоваться. А ведь сегодня у Уолта хороший день... и все равно по его глазам я догадывалась, что ему очень, очень больно.

– Ребята, – позвал Картер. – Мы готовы.

Зал, который охраняли криосфинксы, по праву считался хитом среди коллекций, посвященных египетской загробной жизни. С невысокого пьедестала на нас смотрела изваянная из дерева статуя Анубиса в рост человека. На перекладине больших золоченых весов – точной копии весов из Судного зала загробного мира – восседал золотой павиан, с которым Хуфу немедленно начал кокетничать. Здесь же находились многочисленные посмертные маски, карты Нижнего мира и целая куча каноп – ритуальных кувшинов, в которых хранились внутренние органы мумий.

Картер прошел мимо всего этого, не задерживаясь, и собрал нас вокруг витрины у дальней стены, где под стеклом хранился длинный папирусный свиток.

– Так вы это, что ли, ищете? – озадаченно нахмурился Джей-Ди. – «Книгу повержения Апопа»? Но вы же понимаете, что даже самые мощные заклинания бессильны против Змея...

Картер, не отвечая, порылся в кармане и извлек обгорелый клочок папируса.

– Это все, что мы смогли спасти из Торонто. Это была другая копия того же самого свитка.

Джей-Ди растерянно взял клочок в руки. Он был размером не больше открытки и так обуглился, что на нем едва можно было различить всего несколько иероглифов.

– Повержение Апопа... – прочитал он. – Но ведь это один из самых распространенных магических текстов. С древних времен до нас дошли сотни его копий!

– Нет, – встряла я, с усилием удерживаясь от того, чтобы не начать боязливо оглядываться через плечо: вдруг нас подслушивает какой-нибудь исполинский Змей? – Апоп охотится только за определенной версией, автор которой – вот этот дядька.

Я постучала пальцем по табличке рядом с экспонатом: «Авторство приписывается царевичу Хаэмуасу, больше известному как Сатни».

– Нехорошее имя... – насутился Джей-Ди, качнув головой. – Его носил один из самых гнусных злодеев в истории магии.

– Да, нам тоже так говорили, – сказала я. – Так вот, Апоп уничтожает только те версии «Книги», которые написал Сатни. Насколько нам известно, всего до наших дней дошло шесть копий свитка, и пять из них Апоп уже уничтожил. Это последняя.

Джей-Ди с сомнением повертел в руках обгорелый клочок папируса.

– Но если Апоп действительно вырвался из Дуата и обрел полную силу, чего ему бояться каких-то там свитков? Ни одно заклинание не сможет остановить его. Почему же он еще не уничтожил весь мир?

Сказать по правде, мы сами ломали голову над этим вопросом уже не один месяц.

– Апоп боится этих свитков, – сказала я, от души надеясь, что так оно и есть. – Видимо, в них содержится какой-то секрет, который позволяет одолеть его. И прежде чем захватить мир, он хочет удостовериться, что все до единой копии уничтожены.

– Сейди, нам надо поспешить, – вмешался Картер. – Нападение может случиться с минуты на минуту.

Я подошла к свитку поближе. Он представлял собой полосу папируса длиной метра два и шириной примерно в полметра, густо испещренную линиями иероглифов и разноцветными картинками. Сказать по правде, за последнее время я перевидала кучи похожих свитков, в которых описывались разнообразные способы изничтожить Хаос, и тексты песнопений, призванных не дать Змею Апопу сожрать бога солнца Ра во время его еженощного путешествия через Дуат. Почему-то древние египтяне были прямо-таки одержимы беспокойством по этому поводу. Веселые ребята, эти египтяне.

Умение читать древние иероглифы – один из удивительных талантов, проснувшихся во мне, когда я стала изучать магию, однако разобраться с этим свитком оказалось не так-то просто. На первый взгляд я не увидела в знакомом тексте ничего особенно полезного. В нем содержалось обычное описание Реки Ночи, по которой совершает свой путь солнечная барка бога Ра. Спасибо, мы и сами там бывали. Еще там была куча советов, как расправиться с многочисленными демонами, населяющими Дуат. Ну, с ними мы тоже встречались. И перебили их столько, что нам полагалось бы по призовой майке с памятной надписью.

– Сейди, ну что там? – нетерпеливо окликнул меня Картер.

– Пока не знаю, – буркнула я. – Дай хоть минутку.

Вообще, по-моему, как-то несправедливо, что мой братец, неисправимый ботаник и книжный червь, сделался боевым магом, а я, вместо того, чтобы совершать выдающиеся подвиги, обогатилась талантом к чтению. Мне и на журналы-то едва хватает терпения, что уж говорить обо всяких замшелых свитках.

«Ты все равно ничего не поймешь», – предупреждало то лицо на стене. – Тебе понадобится моя помощь».

– Придется забрать его с собой, – решила я. – Уверена, я разберусь в нем, если у меня будет больше...

Здание содрогнулось. Хуфу пронзительно взвизгнул и повис на шее у золотого павиана. Пингвины Феликса всполошенно заматались туда-сюда.

– Кажется, это похоже на... – Лицо Джей-Ди побелело. – Похоже на взрыв. Где-то снаружи... Вечеринка!

– Это наверняка отвлекающий маневр, – предупредил Картер. – Апоп старается отвлечь охрану от свитка.

– Они напали на моих друзей, – придушенно просипел Джей-Ди. – И там моя жена...

– Идите туда! – решительно сказала я и посмотрела на брата. – Свитком мы займемся сами. У Джей-Ди жена в опасности!

– Забирайте свиток. И удачи вам, – выпалил Джей-Ди, стиснув напоследок мои ладони, и опрометью ринулся к выходу.

Я снова повернулась к витрине.

– Уолт, ты сможешь открыть стекло? Нужно вытащить оттуда свиток как можно скорее...

Зал наполнился злобным торжествующим хохотом. Холодный гулкий голос эхом отражался от стен: *«Это вряд ли, Сейди Кейн»*.

У меня стянуло всю кожу, как будто она тоже превратилась в хрупкий ветхий папирус. Я сразу вспомнила этот голос. И вспомнила, каково это – находиться так близко к Хаосу, на самой грани... когда кажется, что твоя собственная кровь превращается в пламя, и даже спираль ДНК стремительно разворачивается и рассыпается в ничто.

«Думаю, я уничтожу тебя с помощью стражей Маат, – сказал Апоп. – О да, это будет даже забавно».

Криосфинксы у входа в зал внезапно ожили, развернулись и встали в проходе плечом к плечу, полностью загоразивая его. Из их ноздрей вырывались струйки пламени.

– Никто не покинет это место живым, – сказали они в унисон голосом Апопа. – Прощай, Сейди Кейн.

2

Я перекидываюсь словечком с Хаосом

Сейди

Полагаю, вы догадались, что все это предвещало серьезные проблемы.

И они не замедлили появиться.

Нашими первыми потерями стали пингвины Феликса. Криосфинксы окатили их струями пламени из пастей, и бедные пташки растаяли на месте, превратившись в лужицы воды.

– Нет! – жалобно вскрикнул Феликс.

Зал снова заходил ходуном – на этот раз гораздо сильнее.

Хуфу заверещал и прыгнул прямо Картеру на голову, повалив его на пол. В других обстоятельствах я бы с удовольствием посмотрела на это снова и от души посмеялась, но сейчас я понимала: Хуфу только что спас моему брату жизнь.

Там, где только что стоял Картер, пол начал крошиться, как будто кто-то вгрызся в него отбойным молотком. Полоса разрушения змеилась через весь зал, сметая все на своем пути, втягивая оказавшиеся поблизости экспонаты и перемалывая их в пыль. Точно... *змеилась* самое подходящее слово. Эта полоса извивалась, как огромная змея, двигаясь напрямик к дальней стене, где находилась «Книга повержения Апопа».

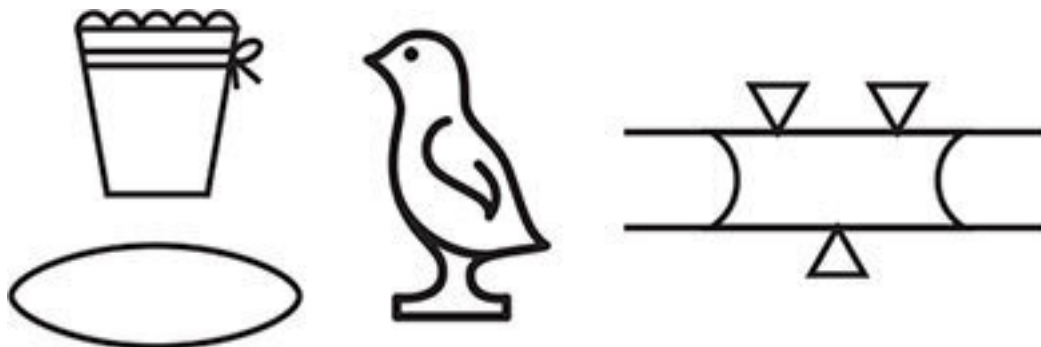
– Свиток! – заорала я.

Никто меня, похоже, не услышал.

Картер все еще корячился на полу, стараясь спихнуть с себя Хуфу. Феликс горевал, стоя на коленях среди жалких лужиц, а Уолт с Элиссой пытались оттащить его подальше от огнедышащих криосфинксов.

Я выдернула из-за пояса свой жезл и выкрикнула первое же заклинание, которое пришло мне в голову: «*Дроух!*»

В воздухе вспыхнул золотой символ «Рубеж», и между витриной со свитком и стремительно продвигающейся полосой разрушения полыхнула щитом стена света:

Дома мне частенько приходилось пользоваться этим заклинанием, чтобы разнять ссорящихся учеников или оградить от полночных набегов буфет, где хранились сладости и печенье, но применять его в таких серьезных случаях мне еще не случалось.

Когда невидимый отбойный молоток натолкнулся на мой щит, заклинание начало рассыпаться. Световая стена дрогнула, постепенно сдаваясь. Я попыталась сконцентрироваться, чтобы удержать ее, но сейчас против меня действовала куда более могучая сила. Сам Хаос поглощал мой разум, рассеивая мою магию.

Я запаниковала, почувствовав, что не могу даже отступить: кажется, я была обречена продолжать бой, победить в котором не могла ни при каких обстоятельствах. Апоп крушил мои мысли точно так же, как крушил пол, не давая сосредоточиться.

Уолт вышиб из моей руки жезл.

На меня накатила темнота, и я бессильно обвисла на руках Уолта. Когда в глазах у меня прояснилось, я обнаружила, что руки у меня сильно обожжены и дымятся. От потрясения я даже не чувствовала боли. «Книга повержения Апопа» исчезла. На том месте, где стояла витрина со свитком, за грудой камней в стене зияла здоровенная дыра, словно сквозь нее проломился танк.

Меня охватило такое отчаяние, что я едва могла дышать, но вокруг меня тут же сгруппировались друзья. Уолт продолжал крепко держать меня. Картер выхватил свой меч, Хуфу оскаллил клыки и грозно рявкнул на криосфинксов. Элисса обнимала Феликса, который жалобно всхлипывал, уткнувшись ей в плечо. Оставшись без своих ненаглядных пингвинов, он быстро растерял храбрость.

– Так вот ты как, значит? – заорала я, повернувшись к криосфинксам. – Как обычно – сжег свиток и бежать? Что, боишься показаться сам?

По залу снова прокатился хохот. Криосфинксы неподвижно застыли в проеме, но повсюду в витринах зашевелились статуэтки и украшения. Золотое изваяние павиана, с которым пытался общаться Хуфу, с неприятным скрипом повернуло голову.

– *Я повсюду*, – произнес голос Змея устами павиана. – Я могу разрушить все, что тебе дорого... и всех, кто тебе дорог.

Хуфу негодуя заверещал и бросился прямо на золотого павиана, сбив его на пол. Тот немедленно растекся дымящейся лужей расплавленного золота.

Зато тут же ожила другая статуя – позолоченный деревянный фараон с охотничьим копьём в руках. Его глаза покраснели, словно налившись кровью, а деревянные губы скривились в злой усмешке.

– Твоя магия слаба, Сейди Кейн. Человеческая цивилизация одряхла и прогнила насквозь. Я проглочу солнце и погружу ваш мир в вечную тьму. Море Хаоса поглотит вас без остатка.

Словно не сдержав напора злой энергии, статуя фараона лопнула, разлетевшись в щепки. Ее постамент тоже развалился, и по залу зазмеилась еще одна полоса разрушений: мраморная плитка на полу вспучивалась, трескалась и проседала, словно за нее снова принялся невидимый отбойный молоток. Полоса все удлинялась и удлинялась, направляясь к витрине у восточной стены, где был выставлен изящный золотой ларец.

«*Сбереги его*», – сказал голос у меня в голове. Не то мое подсознание прорезалось, не то Исида – моя богиня-покровительница. Мы так часто обменивались с ней мыслями, что я уже не всегда могла разобрать, моя это идея или ее.

И тут я вспомнила, что сказало мне то лицо на стене... «*Займись золотым ларцом. Он даст ключ к тому, что вам нужно*».

– Тот ящик... Остановите его! – завизжала я.

Друзья растерянно воззрились на меня. Где-то снаружи грянул очередной взрыв, сотрясая здание. С потолка посыпались куски штукатурки.

– Неужели тебе нечего противопоставить мне, кроме этих детей? – заговорил Апоп устами статуэтки из слоновой кости, которая стояла в ближайшей витрине: миниатюрная фигурка в резной игрушечной лодочке. – А ты, Уолт Стоун, настоящий счастливчик. Даже если ты переживешь эту ночь, твой недуг убьет тебя прежде, чем я одержу свою великую победу. Ты не увидишь, как я разрушу твой мир.

Уолт пошатнулся, и вдруг оказалось, что не он меня поддерживает, а я его. От жуткой боли в обожженных руках меня замутило.

Полоса разрушений быстро продвигалась зигзагами, определенно нацелившись на золотой ларец. Элисса ударила посохом оземь и выкрикнула магический приказ.

Пол тут же затвердел, превратившись в гладкую плиту из серого камня. К сожалению, всего на несколько секунд. Потом плита покрылась трещинами, и сила Хаоса продолжила свой разрушительный путь.

– Молодец, Элисса, очень храбро, – проговорила статуэтка голосом Апопа. – Но земля, которую ты так любишь, тоже растворится в Хаосе. Тебе не на чем будет устоять!

Посох Элиссы тут же вспыхнул огнем; она вскрикнула и отбросила его в сторону.

– Перестань сейчас же! – завопил Феликс и со всей силы хрястнул по витрине собственным посохом, расколов фигурку вместе с лодочкой и добрым десятком других *шабти*.

Голос Апопа просто переместился: теперь он раздавался из нефритового амулета – фигурки Исиды, висящей на манекене поблизости.

– Ах, малыш Феликс, ты такой забавный. Возможно, я оставлю тебя в живых и буду держать при себе как потешную зверушку, вроде тех неуклюжих птиц, которые тебе так нравятся. Интересно, сколько ты продержишься, пока не тронешься рассудком?

Феликс с отчаяния запустил в манекен жезлом и сбил его на пол.

Извивающаяся вспаханная полоса на полу уже достигла половины пути до золотого ларца.

– Он охотится за тем ящиком! – выпалила я, стараясь говорить более связно. – Спасайте ящик!

Согласна, не самый лучший в истории боевой клич, но Картер, кажется, меня понял. Одним прыжком он оказался прямо перед продвигающимся вперед Хаосом и вонзил в пол свой меч. Магический клинок вошел в мрамор, как горячий нож в мороженое. В обе стороны от него протянулась сияющая голубая линия – защитное силовое поле в исполнении Картера. Полоса разрушения врезалась в световой барьер и замерла.

«Бедный Картер Кейн. – Теперь голос Змея доносился отовсюду сразу. Экспонаты вокруг нас взрывались один за другим, не выдерживая переполняющей их энергии Хаоса. – Все еще мнишь себя предводителем... Но то, что ты пытаешься построить, я сотру в порошок. Ты потеряешь всех, кто тебе дорог».

Голубая защитная линия Картера замигала, готовясь сдаться под напором разрушительной магии. И если я не помогу ему прямо сейчас...

– Эй, Апоп! – заорала я. – Что же ты меня не уничтожишь? Только грозиться можешь? Давай же, ты, уж-переросток!

Зал наполнился злобным змеиным шипением. Кажется, мне стоит упомянуть, что среди моих многочисленных талантов не последний – умение выводить людей из себя. Похоже, со змеями у меня тоже отлично получалось.

Пол перестал крошиться и выровнялся. Картер снял магический щит и едва не рухнул от изнеможения. Хуфу, светлая голова, тут же метнулся к золотому ларцу, схватил его и дал деру.

Когда Апоп заговорил снова, в его голосе ясно слышалась неприкрытая злоба: *«Ладно же, Сейди Кейн. Настало время умереть».*

Бараноголовые сфинксы ожили и зашевелились. Их пасти полыхнули огнем, и они ринулись прямо на меня.

К счастью, один из них на всем скаку поскользнулся на луже, оставшейся от пингвина, так что его сильно занесло влево. Второй, без сомнения, вцепился бы мне в горло, если бы на его пути не оказался очень своевременно появившийся верблюд.

Да-да, самый настоящий верблюд. Уж если даже вы от этой новости растерялись, то представьте, каково пришлось бедняге криосфинксу, который определенно не был готов к такому неожиданному препятствию.

Откуда в музее взялся верблюд, спросите вы? Возможно, я уже упоминала о коллекции амулетов, которые повсюду таскал с собой Уолт. Два из них, в частности, служили для того, чтобы в случае надобности превратиться в живых – и крайне неприятных – верблюдов. Мне уже приходилось иметь с ними дело, так что я не испытала особого восторга при виде здорового косматого дромадера, который вдруг оказался в двух шагах от меня. Правда, выступил он достойно: понесся напрямик на криосфинкса, опрокинул его и сам навалился сверху. Сфинкс взвыл от досады и попытался освободиться от придавившей его туши, но верблюд только фыркнул и звучно пустил газы.

– Гинденбург, – догадалась я. Поверьте, только один верблюд на свете умеет портить воздух с такой невыносимой эффективностью. – Уолт, ради всего святого, зачем...

– Прости! – В его голосе прозвучали панические нотки. – Не тот амулет!

Но, как бы то ни было, метод сработал. Может, верблюды не очень одаренные бойцы, зато они тяжелые и неуклюжие, а в драке это тоже бывает полезно. Криосфинкс рычал и бился, царапая когтями пол, но спихнуть с себя верблюда не мог. Гинденбург только шире растопырил длинные ноги, встревоженно зафырчал и снова раскатисто пустил газы.

Я отступила поближе к Уолту и попыталась собраться с мыслями.

В зале царил настоящий хаос – в буквальном смысле. Среди экспонатов шныряли злые красные молнии. Пол крошился, стены дрожали и трескались. Экспонаты оживали, выскакивали из витрин и нападали на моих друзей.

Картеру пока удавалось сдерживать второго криосфинкса, однако чудовище ловко отражало удары его меча своими рогами и вдобавок пыхало в него огнем из пасти.

Феликс топтался в окружении целого летучего хоровода из кувшинов-каноп, которые подло лупили его со всех сторон, как бы он ни отбивался от них посохом. Целая армия маленьких статуэток-*шабти* атаковала Элиссу, которая все еще пыталась читать заклинание, сдерживающее окружающие разрушения. Хуфу, героически не выпуская из объятий золотого ларца, метался по всему залу в попытке удрать от ожившей статуи Анубиса, которая в гневе крушила кулаками все на своем пути.

Сила Хаоса вокруг нас неуклонно нарастала. Я чувствовала это, как по нарастающему гулу чувствуешь приближение бури. Само присутствие Апопа грозило разнести музей по кирпичику.

И как, скажите на милость, я должна была одновременно помогать друзьям, спасти этот чертов золотой ларец, да еще не давать музейному зданию рухнуть нам на головы?

– Сейди! – окликнул меня Уолт. – Какой у нас план?

Первый криосфинкс наконец спихнул с себя Гинденбурга и поднялся на ноги, после чего мстительно выдохнул в его сторону струю пламени. Верблюд в последний раз отравил воздух и превратился обратно в безобидный золотой амулет. Криосфинкс повернулся ко мне. Вид у него был очень недовольный.

– Уолт, – сказала я, – прикрой меня.

– Конечно, – с готовностью отозвался он, неуверенно покосившись на криосфинкса. – А что ты собираешься делать?

Хороший вопрос, подумала я. Своевременный.

– Нужно спасти от Апопа тот золотой ларец, – сказала я. – Это что-то вроде ключа. И нужно восстановить Маат, иначе все здание обрушится, и мы погибнем.

– И как же мы восстановим Маат?

Вместо ответа я как следует сосредоточилась, фокусируя зрение на другой слой реальности, и заглянула в Дуат.

Трудно описать, на что это похоже – когда видишь мир сразу на нескольких уровнях. Сходные ощущения испытываешь, когда надеваешь 3D-очки: контуры предметов смещаются, вокруг них появляются размытые многоцветные ауры... вот только эти ауры не всегда совпадают с очертаниями предметов, и к тому же детали изображения постоянно смещаются. Магам, которые решили заглянуть в Дуат, нужно соблюдать большую осторожность. В лучшем случае они могут заработать приступ тошноты. Ну а в худшем – их мозги могут попросту взорваться.

В Дуате весь зал оказался заполнен свивающимися кольцами исполинской красной змеи. Магия Апопа медленно, но верно распространялась все шире, окружая и захватывая моих друзей. При виде этой жуткой картины я чуть не потеряла концентрацию... и заодно чуть не рассталась со съеденным обедом.

«Исида, – позвала я. – Поможешь немножко?»

Сила богини хлынула в меня могучим потоком. Я снова огляделась вокруг и увидела своего брата, который сражался с криосфинксом. Только теперь на месте Картера был бог-воитель Гор, и его клинок сиял ослепительным светом.

Каждая из кружащих вокруг Феликса свирепым вихрем каноп являлась сердцем злого духа – сумрачные зловещие силуэты, словно сотканые из тени, злобно хлестали отважного малыша когтистыми лапами. Я подивилась, до чего у Феликса в Дуате мощная аура. Ее яркое пурпурное сияние сдерживало духов, не давая им развернуться во всю силу.

Элисса стояла в окружении пыльного смерча, смутно напоминающего очертаниями человека. Она пропела новое заклинание, и Геб, бог земли, поднял могучие руки, удерживая потолок. Обступившая ее армия маленьких *шабти* светилась багровым пламенем, как пожар.

Хуфу в Дуате выглядел так же, как и в смертном мире, и так же скакал по всему залу, спасаясь от разбушевавшейся статуи Анубиса, но крышка золотого ларца в его лапах почему-то оказалась открытой. Внутри я не увидела ничего, кроме непроницаемой тьмы – как будто осьминог напустил в него чернил.

Не успев даже задуматься, что бы это значило, я перевела взгляд на Уолта и ахнула.

В Дуате он был окутан мерцающим серым саваном, в какой обычно обряжают мумии. Его плоть была прозрачной, как у призрака, а кости тускло светились, как под рентгеновскими лучами.

«Это его проклятие, – догадалась я. – Он отмечен смертью».

Но что еще хуже, криосфинкс, который стоял напротив него, находился в самом центре магического смерча, порожденного Хаосом. Тело чудовища искрило алыми молниями, рогатая голова постепенно превращалась в голову Апопа, с желтыми змеиными глазами и ядовитыми клыками.

Он прынул на Уолта, но нанести удар не успел: Уолт уже выхватил амулет и бросил его прямо в морду жуткой твари. Тонкие, но прочные золотые цепи стянули клыкастые челюсти. Криосфинкс остановился и яростно замотал головой, как пес в наморднике.

– Порядок, Сейди. – В Дуате голос Уолта звучал ниже и как-то увереннее, как будто в магическом мире он становился старше своего возраста. – Начинай свое заклинание. И потопись.

Криосфинкс дергал челюстями, пытаясь освободиться. Цепи скрипели и потрескивали, готовые в любой момент лопнуть. Второй криосфинкс уже загнал Картера в угол и продолжал теснить его все более угрожающе. Обессиленный Феликс уже упал на колени, и его пурпурная аура начала меркнуть под натиском темных духов. Элисса тоже проигрывала битву за удержание здания в целости: вокруг нее с грохотом сыпались обломки камня с потолка. Статуя

Анубиса сцапала Хуфу за хвост и теперь держала его на весу вниз головой. Павиан отчаянно вопил, но ларца из лап не выпускал.

Значит, надо срочно восстанавливать порядок. Сейчас или никогда.

Я впустила в себя силу Исиды, мобилизовав свой собственный магический резерв на полную силу – так, что моя душа начала гореть от напряжения. А потом полностью сосредоточилась и произнесла самое могущественное слово Божественной Речи: «Маат».

Прямо передо мной в воздухе вспыхнул иероглиф – яркий, как маленькое солнце:

– Хорошо! – сказал Уолт. – Удерживай его!

Сам он каким-то образом сумел ухватить криосфинкса за цепи на морде и притянуть его к себе. Тварь навалилась на него всей каменной тушей, но тут странная серая аура Уолта, которая была видна вокруг него в Дуате, вдруг перекинулась на монстра и стала распространяться по нему, как инфекция. Криосфинкс шипел и корчился, пытаясь освободиться, но тщетно. На меня пахло могильным запахом разложения – таким густым, что я опять чуть не потеряла концентрацию.

– Сейди, – предостерегающе крикнул Уолт, – удерживай заклинание!

Я снова сосредоточилась на сияющем иероглифе, направляя на символ порядка и созидания всю свою энергию. Божественное слово засияло еще ярче. Змеиные кольца, опутавшие зал, начали постепенно развеиваться, как туман под солнцем. Оба криосфинкса дрогнули и рассыпались в пыль. Кружащие каноны посыпались на пол, разлетаясь в черепки. Статуя Анубиса выпустила хвост Хуфу, который тут же брякнулся головой об пол. Армия *шабти*, обступившая Элиссу, замерла, и могучая магия земли волной распространилась по всему залу, запечатывая трещины и восстанавливая пошатнувшиеся стены.

Я почувствовала, как Апоп, шипя от досады и ярости, убрался глубоко-глубоко в Дуат.

А потом грохнулась в обморок.

– Я ведь говорила тебе, что у нее получится, – произнес такой знакомый, милый голос.

Голос моей мамы... хотя, конечно, такого просто не могло быть. Она ведь давно умерла, так что поговорить с ней мне удавалось лишь изредка, и только в Нижнем мире.

Я открыла глаза, но мое зрение оказалось каким-то тусклым и словно размытым. Надо мной склонились две женщины. Одна из них действительно была моя мама – светлые волосы собраны на затылке, синие глаза сияют гордой радостью. Она была почти прозрачная, как и положено привидению, но голос ее звучал совсем как живой.

– Это еще не конец, Сейди. Тебе еще предстоит потрудиться.

Рядом с мамой стояла Исида в белом шелковом платье, с радужными мерцающими крыльями за плечами. В ее заплетенных в косы глянцевито-черных волосах сверкали бриллианты. Красотой лица она не уступала моей маме, но в нем было больше царственного достоинства и меньше тепла.

То есть поймите меня правильно: поскольку я частенько проникала в мысли Исиды, то не сомневалась, что по-своему она тоже ко мне привязана, но боги не испытывают тех чувств, что присущи нам, людям. Обычно мы значим для них не больше, чем полезные игрушки или в лучшем случае забавные питомцы. Ведь, с точки зрения богов, человеческая жизнь длится не дольше, чем жизнь какого-нибудь хомячка.

– Ни за что бы не поверила, если бы не увидела своими глазами, – отозвалась Исида. – Последним магом, который был способен призвать Маат, была сама Хатшепсут... да и то у нее получалось только тогда, когда она нацепляла ту свою фальшивую бороду.

Я не поняла, что она имела в виду, но решила, что тайна загадочной бороды вполне может оставаться тайной. Я как-нибудь переживу.

Я хотела пошевелиться, но не смогла. Странное это было чувство: как будто я плаваю в ванне с теплой водой, погрузившись на самое дно, а склонившиеся надо мной женские лица слегка расплываются, как будто смотрят на меня сквозь рябь на поверхности.

– Сейди, послушай меня внимательно, – сказала мама. – Не вини себя ни в чьей смерти. Когда ты изложишь отцу свой план, он будет возражать... Но ты должна убедить его. Скажи, что это единственный способ спасти души умерших. И еще скажи ему... – Ее лицо помрачнело. – Скажи ему, что это единственный способ сделать так, чтобы он мог увидеть меня снова. Ты должна справиться, моя девочка.

Я хотела спросить маму, о каком плане она говорит, но не смогла произнести ни слова.

Исида коснулась моего лба холодными, как лед, пальцами.

– Мы должны отпустить ее, – сказала она негромко. – Нельзя удерживать ее здесь дольше. До свиданья, Сейди. Уже близится время, когда нам с тобой снова придется соединиться. Ты такая сильная, Сейди. Даже сильнее своей матери. Вместе мы будем править всем миром.

– Ты хотела сказать «вместе мы одолеем Апопа», – строго поправила ее моя мама.

– Ну да, ну да, – кивнула Исида. – Именно это я и хотела сказать.

Их лица вдруг слились в одно, и единый голос произнес: «Я люблю тебя».

Перед глазами у меня завихрились белые точки, как будто я вдруг попала в снежную пургу. Что-то вокруг неуловимо изменилось, и в следующий миг я увидела, что стою посреди сумрачного кладбища рядом с Анубисом. Причем не тем хрестоматийным богом с древних рисунков, которому полагался зловещий вид и шакаля голова, а тем потрясающим парнем, которым он обычно представал передо мной, – с теплыми карими глазами, взлохмаченными черными волосами и возмутительно красивым лицом. В смысле, я хотела сказать, что это попросту нечестно: раз он бог, то может принимать тот облик, который захочет. Ну и зачем он все время принимает этот самый облик, от которого у меня все внутри закручивается кренделем?

– Замечательно, – сумела выдавить я. – Раз ты здесь, значит, я умерла.

– Нет, ты не умерла, – улыбнулся Анубис. – Хотя подошла к самой грани. Это был очень рискованный поступок.

Мое лицо вспыхнуло. Я чувствовала, как горячая волна распространяется, захватывая уши и шею. Я и сама не знала, отчего так вышло: не то от смущения, не то от гнева... не то от радости, что наконец его вижу.

– Ну и где ты был? – накинулась я на него. – За целых полгода – ни словечка!

Его улыбка увяла.

– Они не позволяли мне с тобой видаться.

– Кто не позволял?

– Существуют определенные правила, – продолжал он. – Я даже сейчас у них под наблюдением, но ты оказалась так близка к смерти, что я сумел выкроить пару минут, чтобы сказать тебе: ты правильно все придумала. Посмотри на то, чего *нет*. Только так ты сможешь выжить.

– Ну конечно, – буркнула я. – Спасибо, что выражаешься так ясно и четко. Никаких загадок.

В груди у меня вдруг потеплело, сердце начало отсчитывать удары, и я вдруг сообразила, что все это время, с момента как я потеряла сознание, оно не билось. Вообще-то это наверняка не очень хороший признак.

– Сейди, есть еще кое-что... – Голос Анубиса зазвучал глуше, и его образ начал таять. – Я должен сказать тебе...

– Лучше скажи мне лично, – попросила я. – Не надо никаких «смертных видений» и прочей ерунды, ладно?

– Я не могу. Они мне не позволят.

– Ну что ты лепечешь, как маленький? Ты же бог! Ты можешь, черт возьми, делать все, что захочешь!

В его глазах мелькнула искра гнева, а потом, к моему удивлению, он вдруг рассмеялся.

– Я и забыл уже, какая ты вспыльчивая. Хорошо, я постараюсь навестить тебя... очень недолго. Нам нужно кое-что обсудить. – Он вдруг протянул руку и погладил меня по щеке. – А сейчас ты проснешься. До свиданья, Сейди.

– Не уходи. – Я схватила его ладонь и прижала к своему лицу.

Все мое тело налилось теплом, а Анубис растаял и исчез.

Я резко открыла глаза.

– Не уходи!

Как выяснилось, на мои обожженные руки уже наложили повязки, и сейчас я пылко хваталась ими за волосатую павианью лапу. Озадаченный Хуфу взирал на меня в полном замешательстве.

– Агх?

Изумительно, подумала я. Докатилась. Заигрываю с обезьянами.

Я неуклюже села. Картер и все наши друзья взволнованно столпились вокруг меня. Мы были в том же самом зале. Здание все-таки не обрушилось, но выставка Тутанхамона была полностью разгромлена. Да уж, решила я, вряд ли нас внесут в список почетных друзей Музея искусств Далласа. По крайней мере, не в ближайшее время.

– Ч-что случилось? – спросила я, заикаясь. – Как долго?..

– Ты была мертва две минуты, – отозвался Картер дрожащим голосом. – В смысле... у тебя сердце не билось, Сейди. Я думал... Я боялся...

Его голос сорвался, и он замолчал. Бедняга. Наверно, ему и вправду было бы скучно без меня.

(Ой, Картер! Ну что ты щиплешься!)

– Ты призвала Маат, – пробормотала Элисса с крайним изумлением на лице. – Это же... это же невозможно...

Согласна, это и впрямь впечатляло. Дело в том, что создать с помощью Божественной Речи какой-то объект – скажем, животное, стул или меч, – довольно сложно. Призвать стихию, например, огонь или воду, еще труднее. Но воплотить в реальность сложное понятие, такое, как Порядок, – нечто совсем небывалое. Однако в тот момент я не могла в полной мере восхититься сама собой: слишком мне было больно. Пока что я чувствовала себя так, словно призвала наковальню, уронив ее себе на голову.

– Просто повезло, – сказала я. – А что с тем золотым ящиком?

– Агх! – Хуфу с гордостью указал на ларец, который стоял на полу рядом с ним – целый и невредимый.

– Хороший павиан, – похвалила я его. – Получишь вечером дополнительную порцию «Чирио».

– Но «Книга повержения Апопа» погибла, – нахмурился Уолт. – Чем же он нам поможет, этот ящик? Ты вроде говорила, что это какой-то ключ...

Мне трудно было смотреть на Уолта, не терзаясь чувством вины. Мое сердце уже много месяцев разрывалось между ним и Анубисом, и со стороны Анубиса было просто нечестно врываться в мои видения, да еще в виде этакого бессмертного красавца, в ту самую минуту, когда бедный Уолт рисковал собственной жизнью ради моего спасения. Особенно учитывая, что смерть подтачивает его силы день ото дня. Мне тут же вспомнилось, каким он явился мне в Дуате, в этом призрачном сером саване...

Нет. Об этом я не могла думать. Я собралась и сосредоточилась на золотом ящике.

«Посмотри на то, чего нет», – сказал Анубис. Будь они неладны, эти боги, со своими дурацкими загадками.

Интересно. Тот тип в стене, «дядя Винни», сказал, что ларец подскажет нам, как одолеть Апопа, если мне хватит сообразительности разгадать его тайну.

– Я пока сама толком не знаю, что это такое, – призналась я. – Но если техасцы разрешат нам забрать его с собой в Бруклинский Дом...

На меня внезапно накатил ужас. Снаружи больше не слышалось ни взрывов, ни треска пламени. Только мертвая зловещая тишина.

– Техасцы! – вскрикнула я. – Что с ними?

Феликс и Элисса тут же бросились к выходу. Картер с Уолтом помогли мне подняться на ноги, и мы побежали следом за ними.

На посту не было ни одного охранника. Мы выскочили в главный вестибюль, и сквозь стеклянную стену я увидела поднимающиеся над садом скульптур столбы белесого дыма.

– Нет, – забормотала я. – Нет, нет...

Мы метнулись через улицу и замерли у входа в сад. Посреди безупречной лужайки теперь зиял кратер размером с олимпийский бассейн, дно которого было вымощено расплавившимися скульптурами и обломками камня. Сеть туннелей, ведущих в штаб-квартиру Пятьдесят Первого нома, обвалилась и сплюснулась, как муравейник под ногой хулигана. Трава вокруг кратера была усеяна дымящимися лоскутами вечерних нарядов, битыми тарелками из-под тако и бокалами из-под шампанского, а также щепками от магических посохов.

«Не вини себя ни в чьей смерти», – сказала мне мама.

Как в тумане, я медленно побрела к развалинам веранды. Часть ее бетонной плиты откололась и сползла в воронку от взрыва. В грязи валялась обгоревшая скрипка, а рядом с ней поблескивало что-то серебряное.

Картер подошел и встал рядом.

– Надо... надо поискать, – сказал он севшим голосом. – Может, кто-нибудь выжил.

Я изо всех сил сдерживала слезы. Не знаю, откуда я это знала, но не сомневалась, что это истинная правда.

– Никого не осталось, – сказала я.

Техасские маги встретили нас, как друзей, и помогали нам. Джей-Ди Гриссом пожал мне руку на прощанье и пожелал удачи, перед тем как бежать спасать свою жену. Но мы уже видели, чем заканчивались нападения Апопа в других номах. И Картер предупреждал Джей-Ди: «*Приспешники Змея не оставляли в живых никого*».

Я присела и подняла с земли блестящий предмет: оплавленную серебряную пряжку в форме звезды.

– Они все погибли, – сказала я. – Все до единого.

3

Мы добываем ящик с пустотой

Картер

Конечно, Сейди выбрала самый оптимистический момент, чтобы передать микрофон мне. (Вот уж спасибо, сестренка.)

Я был бы просто счастлив сообщить вам, что Сейди ошиблась насчет Пятьдесят Первого нома и мы отыскивали всех техасских магов целыми и невредимыми... Ничего такого не случилось. Мы не нашли ничего, кроме следов ожесточенного сражения: обугленных костяных жезлов, черепков от разбитых *шабти*, обрывков обгорелой льняной ткани и папируса. Маги попросту исчезли – точь-в-точь как это произошло во время атак Змея в Торонто, Чикаго и Мехико. Может, они испарились, а может, их сожрали... или уничтожили каким-то другим, не менее ужасным способом.

У края воронки в траве горел иероглиф *Исфет*, символ Хаоса. Как будто Апоп оставил его в качестве своей визитной карточки.

Мы все пребывали в глубоком шоке, но времени оплакивать наших товарищей у нас не было. Вот-вот на место сражения примчится полиция и другие представители властей, а значит, мы должны были по возможности исправить, что можно, и уничтожить все следы магии.

С воронкой мы ничего не могли поделать. Наверняка местные объявят, как всегда, что произошел взрыв газа. (Что-то часто они стали случаться в последнее время, где бы мы ни появились.)

Мы попытались привести в порядок музей и восстановить экспонаты из коллекции фараона Тутанхамона, но это оказалось далеко не так просто, как навести порядок в разоренной сувенирной лавке. Возможности магии тоже не безграничны. Поэтому если однажды, посещая выставку Тутанхамона, вы обнаружите на некоторых экспонатах трещины или следы гари, а может, у какой-нибудь статуи голова окажется приклеена задом наперед... в общем, извините. Возможно, это мы напортачили из-за спешки.

Поскольку, пока мы трудились, полиция успела перекрыть все ближайшие улицы и оцепить зону взрыва, вся наша команда собралась на крыше музея. В другое время мы могли бы с помощью какого-нибудь музейного артефакта открыть портал и попасть напрямую домой, но за последние месяцы Апоп набрал такую силу, что пользоваться порталами стало очень рискованно.

Поэтому я громко свистнул, призывая нашего «извозчика». Грифон Фрик тут же сорвался с крыши отеля «Фермонт», расположенного всего в двух кварталах, и помчался к нам.

В большом городе не так-то легко найти место, где можно спрятать грифона, особенно если он запряжен в лодку. Нельзя же просто приткнуть его у тротуара или поставить на платную парковку. К тому же Фрик немного нервничает, когда видит незнакомых людей, и норовит их сожрать. Поэтому я пристроил его на крыше высокого здания отеля, а чтобы он не скучал, оставил рядом с ним целый ящик, набитый тушками мороженных индеек. Предыдущий опыт показывал, что индейки должны быть сильно заморожены – иначе он проглотит их в один присест и будет мучиться икотой.

(Сейди тут говорит, чтобы я поскорее переходил к основной истории. Дескать, особенности кормления грифонов вас вряд ли интересуют. Ладно, извините, больше не буду.)

Одним словом, Фрик тут же прилетел и опустился на крышу музея. Вообще-то, для монстра он очень красивый... если вам нравятся здоровенные крылатые львы с орлиной головой и неуравновешенной психикой. Шерсть у него красивого ржаво-красного цвета, а когда он летает, его огромные крылья машут часто-часто, как у колибри, и издают при этом визгливый звук, напоминающий не то цепную пилу, не то индейскую дудку-казу.

– ФРИИИК! – протяжно крикнул Фрик. Да-да, поэтому я так его и назвал.

– Здорово, приятель, – поприветствовал я его. – Давай-ка выноси нас отсюда.

Лодка, которую он тащил за собой, представляла собой типичный древнеегипетский челнок: нечто вроде большого каноэ, связанного из легких стеблей папируса. Благодаря чарам Уолта она могла держаться в воздухе независимо от того, сколько груза ей придется нести.

В первый наш полет авиакомпанией «Эйр-Фрик» мы привязали лодку у грифона под брюхом, но это оказалось не очень удобно. На спине грифона тоже не покатаешься, потому что его бешено работающие крылья рискуют размолоть седока в фарш. Наилучшим вариантом оказалась лодка, прикрепленная сзади в качестве воздушных саней. Новая система работала безупречно, если не считать того случая, когда Феликс громко крикнул проходящим внизу смертным: «Хо-хо-хо! Веселого Рождества!»

Вообще-то, обычные смертные видят магию не так, как ее видим мы, поэтому я не могу сказать наверняка, что они думали, когда мы пролетали у них над головами. Без сомнения, многие из них решили, что им нужно обратиться к врачу или хотя бы увеличить дозу лекарств, которые они принимают.

Мы взмыли в ночное небо: пятеро магов, павиан и золотой ларец. Я все еще не понимал, чем он так заинтересовал Сейди, но все-таки доверял сестре достаточно, чтобы решить: раз она считает, что ларец представляет важность, значит, так оно и есть.

Сверху разрушенный сад выглядел не менее ужасно. Дымящаяся воронка походила на огромный рот, разверстый в беззвучном крике. Со всех сторон мерцали красно-белые маячки пожарных и полицейских машин. Мы ведь даже не знаем, сколько магов погибло в этом жутком взрыве, с горечью подумал я.

Фрик набрал скорость. Гудение его крыльев сливалось с шумом ветра у меня в ушах. В глазах у меня защипало, но тут ветер был ни при чем. Я отвернулся от ребят, чтобы они не видели моего лица.

«Все еще мнишь себя предводителем», – сказал Апоп.

Конечно, он готов сказать все, что угодно, чтобы сбить нас с толку и заставить усомниться в собственной правоте. Но эти слова задели меня по-настоящему.

На самом деле мне не очень-то нравится изображать из себя лидера. Это совсем не просто, знаете ли, все время нести ответственность и ради спокойствия других держаться уверенно даже в тех случаях, когда никакой уверенности не испытываешь.

Мне очень не хватало кого-нибудь из взрослых, на которых можно положиться. Не хватало папы. Не хватало дяди Амоса, который сейчас находился в Каире в качестве главы Дома Жизни. А что касается моей сестрицы Сейди, большой любительницы покомандовать, то она всегда меня поддерживала, но при этом ясно давала понять, что принять на себя руководство не желает. Поэтому официально именно я считался главой Бруклинского Дома, и именно я определял стратегию наших действий. Для меня это означало, что, когда мы допускали какие-то ошибки – например, позволяли Апопу смести с лица земли целый ном, – вина за них тоже ложилась на меня.

Конечно, Сейди никогда ни в чем таком меня не обвиняла, но я все равно чувствовал себя хуже некуда.

«Все, что ты пытаешься построить, я сотру в порошок».

Казалось невероятным, что еще и года не прошло с тех пор, как мы с Сейди впервые попали в особняк в Бруклине, тогда еще даже не догадываясь ни о нашем наследии, ни о наших способностях. А сейчас мы чувствовали себя в этом месте полноправными хозяевами и обучали целую армию юных магов бороться с Апопом, следуя путем богов, хотя эта разновидность магии не одну тысячу лет находилась под запретом. И мы добились значительных успехов, хотя, если судить по исходу битвы со Змеем сегодняшним вечером, всех наших усилий было недостаточно.

«Ты потеряешь всех, кто тебе больше всех дорог...»

Я уже потерял столько дорогих мне людей. Моя мама погибла, когда мне было всего семь. А в прошлом году мой папа пожертвовал своей жизнью, чтобы стать вместилищем духа бога Осириса. В течение лета многие наши союзники пали жертвами нападений Апопа, попали в засаду или попросту пропали без вести по вине мятежных магов, которые отказались принять нашего дядю Амоса в качестве нового Верховного Чтеца.

Кого еще я могу потерять... Сейди?

Нет-нет, никакого сарказма. Хотя большую часть жизни мы росли отдельно – я странствовал с папой по свету, а Сейди воспитывали бабушка с дедушкой в Лондоне, – она по-прежнему оставалась моей сестрой. За последний год мы очень сблизились. Какая Сейди ни противная иногда, все-таки она очень нужна мне.

Какой кошмар.

(Ага, я ждал, что она сейчас треснет меня по руке. Больно же...)

А может, Апоп имел в виду кого-то другого, например, Зию Рашид...

Внизу замерцали огоньки пригородов Далласа. Фрик с дерзким клекотом нырнул в Дуат. Нашу лодку окутал ледяной туман. В животе у меня появилось знакомое щекочущее ощущение, какое бывает при крутом спуске на «американских горках». Во мгле вокруг зашептали призрачные голоса.

Как только я начал опасаться, что мы, наверное, заблудились, головокружение тут же прошло, туман рассеялся. Мы снова оказались на Восточном побережье и мчались над морем ночных огней вокруг Нью-Йоркской бухты к родному Бруклину.

Штаб-квартира Двадцать Первого нома располагалась на берегу Ист-Ривер недалеко от Вильямсбургского моста. Простые смертные не видели ничего, кроме большого заброшенного и полуразвалившегося складского ангара посреди захлащенного пустыря, но для магов Бруклинский Дом был очевиден, как маяк – расположенный на крыше склада большой пятиэтажный особняк из известняковых блоков и стекла. Сейчас он ярко сиял желтыми и зелеными огнями.

Фрик приземлился прямоком на крышу особняка, где нас уже поджидала богиня-кошка Баст.

– Вы живы, мои котятки! – воскликнула она, сжимая мне руки и торопливо осматривая на предмет ран и прочих повреждений. Затем она проделала то же самое с Сейди и неодобрительно поцокала языком, увидев ее забинтованные руки.

Баст вообще-то очень красивая, хотя под взглядом ее светящихся кошачьих глаз иногда бывает неуютно. Свои длинные черные волосы она заплетала в косу на затылке, а облегающий комбинезон, похожий на костюм гимнастки, менял узор, когда она двигалась, покрываясь то тигриными полосками, то леопардовыми пятнами, то черно-рыжим крапом. Я очень ее любил и безоглядно доверял ей, но когда у нее случались приступы неудержимой материнской заботы, которую она проявляла исключительно по-кошачьи, мне становилось немного не по себе. В руках она прятала свое любимое оружие – острые, как бритва, ножи, которые легко высккивали прямо ей в ладонь, стоило ей шевельнуть запястьями. Когда она принималась трепать меня по щекам, я боялся, что она сделает какое-нибудь неосторожное движение и ненароком

отрежет мне голову. Хорошо еще, что она не пыталась таскать нас за шкурку или вылизывать, как котят.

– Что случилось? – спросила она. – Все целы?

Сейди судорожно вздохнула.

– Вообще-то...

Пришлось тут же рассказать о том, что техасский ном был полностью уничтожен.

Из груди Баст вырвалось глухое ворчание. Ее волосы непременно встали бы дыбом, но коса помешала, поэтому ее прическа просто резко вспухла, как попкорн на сковородке.

– Мне надо было быть с вами, – сказала она. – Я могла бы помочь!

– Нет, не могла бы, – покачал головой я. – У музея была слишком мощная защита.

Дело в том, что большинство территорий, принадлежащих магам, защищены от проникновения богов в физическом воплощении. За минувшие тысячелетия маги разработали большое количество очень совершенных способов охраны. Нам самим пришлось немало потрудиться, переделывая систему охраны Бруклинского Дома таким образом, чтобы Баст получила в него полный доступ и в то же время чтобы в него не могли проникнуть другие, не столь дружелюбно настроенные божества.

Взять Баст с собой в Музей искусств Далласа – примерно то же самое, что попытаться пронести базуку мимо службы безопасности аэропорта. Не то чтобы совсем невозможно, но хлопотно, да и времени на это уйдет больше. Кроме того, Баст воплощала собой последний рубеж обороны Бруклинского Дома: именно на нее возлагалась обязанность защищать дом и учеников в наше отсутствие. Уже дважды наши враги едва не разрушили особняк до основания, и мы не хотели, чтобы это случилось в третий раз.

Комбинезон Баст стал совсем черным – обычно это означало, что она пребывает в дурном расположении духа.

– Все равно я никогда не прощу себе, если с вами что-то... – Она умолкла, глядя на нашу усталую, понурую, перепуганную команду. – Ладно, по крайней мере, вы все вернулись живыми. Что будем делать дальше?

Уолт пошатнулся. Элисса и Феликс живо его подхватили.

– Я в порядке, – настойчиво сказал он, хотя было ясно видно, что ему совсем худо. – Картер, если хочешь, я могу собрать всех на террасе.

Вид у него был такой, словно он вот-вот упадет в обморок. Конечно, сам Уолт никогда бы не признался, но наша целительница Жас сказала мне, что сейчас он постоянно испытывает невыносимую боль. Он и на ногах-то держится только потому, что она нанесла ему на грудь магическую татуировку в виде обезболивающего символа и постоянно потчевала его своими снадобьями. И несмотря на все это, я попросил его отправиться в Даллас вместе с нами – еще одно решение, которое камнем давило мне на сердце.

Остальные тоже валились с ног от усталости. Глаза Феликса опухли от слез, Элисса явно пребывала на грани шока. Им бы сейчас поспать...

Кроме того, если сейчас объявить общее собрание, я попросту не знал, что сказать. Никакого плана у меня не было, но я не мог позволить себе признаться перед всем номом в своем полном бессилии. Как я буду смотреть в глаза ребятам сейчас, когда из-за нас в Далласе погибло столько народу?

Мы переглянулись с Сейди и пришли к молчаливому согласию.

– Устроим общий сбор завтра, – сказал я остальным. – А вы, ребята, отправляйтесь спать. То, что случилось с техасцами... – Мой голос сорвался, но я взял себя в руки и продолжил: – Я знаю, что вы чувствуете. Я сам чувствую то же самое. Но это случилось не по нашей вине.

Я не был уверен, что мои слова их успокоили. Феликс утер кулачком слезу и хлюпнул носом. Элисса заботливо обхватила его за плечи и повела в сторону лестницы. Уолт бросил

на Сейди быстрый взгляд, полный не то тоски, не то сожаления (я не понял), и тоже побрел следом за Элиссой.

– Агх? – сказал Хуфу, похлопав лапой по золотому ларцу.

– Угу, – встряхнулся я, вспомнив о нашей добыче. – Можешь отнести его в библиотеку?

Это было самое защищенное помещение во всем доме. После того, чем нам пришлось пожертвовать ради этого ящика, я больше не хотел испытывать судьбу. Хуфу взял ларец под мышку и заковылял к высоким двустворчатым дверям библиотеки.

Фрик до того намаялся, что даже не стал подниматься в свое уютное обиталище на крыше: просто свернулся клубком и захрапел, не дожидаясь, пока я отвяжу его от лодки. Путешествия через Дуат требовали от него слишком больших усилий.

Я снял с него упряжь и ласково почесал пернатую голову.

– Спасибо, дружище. Пусть тебе приснятся большие жирные индейки.

Грифон довольно заурчал, не просыпаясь.

– Нам нужно поговорить, – сказал я, оборачиваясь к Баст и Сейди.

Время близилось к полуночи, но в Большом зале все еще кипела жизнь. Джулиан, Пол и еще кое-кто из мальчишек валялись на диванах перед телевизором и смотрели спортивный канал. Трое малявок (наших самых младших учеников) что-то рисовали прямо на полу цветными мелками. Кофейный столик, как обычно, был завален мусором – пакетами из-под чипсов и банками из-под газировки. На ковровой дорожке из змеиной шкуры беспорядочной грудой валялась обувь. Над всем этим безобразием посреди зала высилась здоровенная, с двухэтажный дом, статуя Тота, бога знаний с головой ибиса, со свитком и пером в руках. Кто-то из нашей шпаны нахлобучил на каменную голову бога старую фетровую шляпу нашего дяди Амоса, так что мудрейший из богов сделался похож на букмекера, принимающего ставки на футбольном матче. Вдобавок кто-то из малявок раскрасил ногти на его обсидиановых ногах розовым и лиловым мелом. Да уж, у нас, в Бруклинском Доме, принято относиться к богам с великим почтением.

Увидев нас с Сейди, сходящих по лестнице, мальчишки вскочили с дивана и бросились к нам.

– Ну, как все прошло? – спросил Джулиан. – Уолт только что прошел наверх, но он не сказал...

– Наши все целы, – сказал я. – Но Пятьдесят Первый ном... в общем, им не повезло.

Джулиан потрясенно умолк. Слава богам, ему хватило ума не требовать подробностей при малышне.

– Но вы нашли что-нибудь полезное?

– Пока не знаю, – признался я.

Мне хотелось скорее свернуть разговор и поспешить в библиотеку, но тут самая маленькая из наших крох, малышка Шелби, потянула меня в сторону, желая похвалиться своим меловым шедевром.

– Я убила змею, – радостно сообщила она. – Убила, убила, убила! Плохая змея!

Рисунок, который был немедленно представлен моему вниманию, действительно изображал змею с воткнутыми ей в спину ножами и крестиками в глазах, которые, видимо, означали, что рептилия полностью и бесповоротно мертва. Если бы Шелби изобразила нечто в этом роде на школьных занятиях, ее наверняка отправили бы к детскому психологу. У нас же это означало, что даже самые маленькие понимали, что в мире происходит нечто очень серьезное.

Малышка довольно заулыбалась, потрясая мелком, как дротиком, так что я даже попятился. Может, по возрасту Шелби еще годилась для детского сада, однако она уже оказалась превосходным магом. Иногда в ее руках мелки и карандаши превращались в опасное оружие,

а ее рисунки готовы были в любой момент ожить и соскочить с листа – как, например, тот красно-бело-синий единорог, которого она изобразила ко Дню независимости.

– Замечательный рисунок, Шелби, – похвалил я, чувствуя, что мое сердце сжимается, словно его спеленали бинтами, как мумию. Как и все наши младшие ученики, Шелби находилась у нас с согласия ее родителей, которые понимали, что сейчас судьба всего мира поставлена на карту. Несмотря на горечь разлуки с дочкой, они знали, что Бруклинский Дом – лучшее и самое безопасное место, где Шелби сможет научиться управлять своими магическими способностями. Но мне иногда было тяжело думать о том, какое непростое у нее детство. Разве дело для такой малышки работать с потоками магии, которые способны погубить любого взрослого, и набираться знаний о чудовищах, которые нормальному человеку могут явиться только в кошмарном сне?

Джулиан ласково взъерошил ей волосы.

– Пойдем со мной, солнышко. Нарисуешь мне еще что-нибудь, ладно?

– Еще кого-нибудь убить? – обрадовалась Шелби.

Джулиан взял ее за руку и отвел в сторонку, а мы с Сейди и Баст направились в библиотеку.

Массивные дубовые двери вели на лестницу, которая спускалась в огромный зал цилиндрической формы, напоминающий колодец. На сводчатом потолке была изображена Нут – богиня неба, с мерцающими на темно-синей коже серебряными созвездиями. Мозаика на полу изображала ее мужа Геба – бога земли, чье тело покрывали реки, холмы и пустыни.

Несмотря на позднее время, наш самопровозглашенный библиотекарь Клио все еще была здесь, деятельно руководя четырьмя статуэтками-шабти. Глиняные фигурки так и носились по залу, вытирая пыль с полок или раскладывая по порядку свитки и книги в похожие на соты ячейки вдоль стен. Сама Клио сидела за столом, делая какие-то записи на листе папируса и одновременно беседуя с Хуфу, который расположился перед ней, довольно похлопывая по золотому ларцу и ворча что-то по-павианий, скорее всего «Эй, Клио, смотри, какой отличный ящик, не хочешь его себе? Совсем недорого».

Может, Клио и не отличалась особой отвагой в бою, зато память у нее была просто поразительная. Она могла изъясняться на шести языках, включая английский, ее родной португальский (она родом из Бразилии), древнеегипетский, а также разговорный павианий. Она сама взяла на себя обязанность по составлению каталога всех наших свитков, а также собрала со всего света все доступные материалы по Апопу. Именно Клио отыскала связь между недавними нападениями Змея и свитками, автором которых считался легендарный маг Сатни.

Она очень нам помогала, хотя частенько приходила в ужасное раздражение, когда ей приходилось изыскивать в ее библиотеке место для наших школьных учебников, интернет-терминалов и принадлежащей Баст подборки журнала «Уход за кошками».

Увидев нас, Клио тут же вскочила:

– Вы живы!

– Надо же, как ты удивилась, – буркнула Сейди.

– Простите, – смутилась Клио, прикусив губу. – Я просто... Я очень рада. Хуфу пришел один, и я заволновалась. Он все пытался сказать мне что-то про этот ящик, но он совершенно пуст. Вы нашли «Книгу повержения Апопа»?

– Свиток сгорел, – сказал я. – Мы не смогли его спасти.

Клио, кажется, была готова разрыдаться.

– Но это же последняя копия! Как он мог, Апоп, уничтожить такую ценность!

Мне хотелось напомнить Клио, что Апоп намерен уничтожить весь мир, но я решил, что лучше лишний раз не напоминать ей об этом. Бедняжка совсем теряла голову от страха.

Так что она еще немного побушевала по поводу утраченного свитка. При мысли, что кто-то способен уничтожить книгу или другой литературный памятник, Клио приходила в такое неистовство, что наверняка набила бы Апопу физиономию, окажись он сейчас перед ней.

Одна из фигурок-*шабти* проворно вспрыгнула на стол, собираясь наклепать на золотой ларец ярлычок с каталожным номером, но Клио тут же согнала его.

– А ну-ка, все по местам!

Она хлопнула в ладоши, и все *шабти* тут же вернулись на свои постаменты и застыли глиняными истуканами. Один из них, правда, выглядел довольно странно, потому что так и остался в резиновых перчатках и с метелкой для пыли в руках.

Наклонившись над ящиком, Клио внимательно осмотрела его, повертев так и сяк.

– Но он же пустой, – с недоумением заметила она. – Зачем вы его принесли?

– Именно это мы с Сейди и Баст и собирались обсудить, – сказал я. – Если ты не против, Клио.

– Нет, я не против, – отозвалась она, продолжая осматривать ларец, и, только заметив, что мы все смотрим на нее, догадалась. – О... вы имели в виду без посторонних. Ну конечно.

Вид у нее был немного обиженный из-за того, что ее так бесцеремонно выставляют, однако она дружески взяла Хуфу за лапу и потянула за собой:

– Пойдем, *babuinzinho*¹. Найдем тебе что-нибудь вкусненькое.

– Агх! – обрадовался Хуфу. Клио он просто обожал – возможно, из-за ее имени. По причинам, которых никто из нас не знал, Хуфу очень любил все вещи, название которых заканчивалось на – о. Вроде авокадо, «Орео» или какао.

Когда Клио и Хуфу наконец удалились, мы вдвоем сгрудились над нашим новым приобретением.

Ларец выглядел как миниатюрный школьный шкафчик. Снаружи он был полностью золотым, но на вес оказался не таким уж тяжелым, так что скорее всего он был сделан из дерева, покрытого тонкой золотой фольгой. Сверху и по бокам его украшала резьба в виде иероглифов, а также изображения фараона и его жены. Спереди у него были двойные дверцы, открыв которые мы обнаружили... почти ничего. Только маленькую подставку с двумя крохотными золотыми следами человеческих ног, как будто раньше здесь стояла какая-нибудь древнеегипетская кукла Барби.

Сейди старательно изучила иероглифы на боковых сторонах ящика и пожала плечами.

– Здесь все только про фараона Тутанхамона и его царицу. Всяческие пожелания счастливой загробной жизни и прочая ерунда. И еще картинка, как он охотится на уток. Они что, правда воображали себе рай именно таким? Серьезно?

– Люблю уток, – мурлыкнула Баст.

Я подергал за дверцы, то открывая, то закрывая их.

– Лично я не думаю, что тут дело в утках. Что бы ни находилось внутри, сейчас оно пропало. Может, расхитители гробниц утащили, а может...

– Расхитители гробниц. Ну конечно, – хихикнула Баст.

– А что тут смешного? – нахмурился я.

Она с широкой ухмылкой поглядела на меня, потом на Сейди, и только тут, похоже, догадалась, что шутка до нас не дошла.

– А... понятно. Выходит, вы и вправду не знаете, что это за штука. Что ж, действительно, откуда вам знать... Их же почти не осталось.

– Чего не осталось? – не понял я.

– Ящиков для тени.

Сейди сморщила носик.

¹ Павианчик (португ.).

– В смысле – для теней? Древние египтянки хранили в таких свою косметику?

– Нет. Я имела в виду – для хранения настоящей тени.

Вроде бы на этот раз Баст не шутила, хотя с кошками никогда не скажешь наверняка.

– Она и сейчас тут, на месте, – продолжала богиня. – Разве вы ее не видите? Маленькая темная частичка Тутанхамона. Эгей, Тутанхамон, привет! – Она помахала рукой перед пустым ящиком. – Вот почему мне стало смешно, когда вы предположили, что грабители могли украсть ее. Ха! Это было бы нелегко, поверьте.

Я все еще пытался как-то уложить все услышанное в собственной голове.

– Но... я ведь слышал папины лекции чуть ли не про все существующие египетские артефакты. И не помню, чтобы он хоть раз упоминал ларцы, в которых хранят тень.

– Я ведь уже говорила, что их почти не осталось, – сказала Баст. – Обычно ящик с тенью хоронили далеко от места погребения остальных частей души. Тутанхамон поступил очень глупо, приказав поместить его в гробницу. С другой стороны, возможно, кто-нибудь из жрецов сделал это против воли правителя, по злому умыслу.

Я совсем запутался, но Сейди, к моему удивлению, энергично закивала.

– Наверно, это и имел в виду Анубис, – сказала она. – *Обрати внимание на то, чего нет.* И когда я настроила зрение на Дуат, то увидела внутри ящика темноту. А «дядя Винни» говорил, что это даст нам ключ к победе над Апопом.

Тут я не выдержал и, сложив ладони буквой «Т», потребовал тайм-аут.

– Стойте, стойте. Сейди, когда это ты успела пообщаться с Анубисом? И с каких это пор у нас завелся дядюшка по имени Винни?

Вид у сестрицы сделался смущенный, однако она подробно описала и говорящее лицо на стене музея, и видение, в котором ей явились наша мама и богиня Исида, и очередное свидание со своим божественным почти-другом Анубисом. Я и раньше знал, что моя сестрица любит отвлекаться по сторонам, но тут даже я подивился, сколько побочных мистических странствий она успела совершить, всего-то пройдясь по музею.

– Лицо на стене могло быть вражеской уловкой, – насторожился я.

– Возможно... но мне так не кажется. Оно сказала, что нам понадобится его помощь и что у нас всего два дня, после которых с ним может что-то случиться. И еще оно сказала, что ящик подскажет, что нам нужно. Анубис тоже намекнул, что я двигаюсь в верном направлении, спасая этот ящик. И мама... – голос Сейди дрогнул. – Мама сказала, что это единственный способ сделать так, чтобы мы могли снова увидеть ее. Что-то должно произойти с душами умерших, я так поняла.

Меня внезапно охватило то же чувство, что и тогда, в Дуате: словно меня окутал ледяной туман. Я уставился на ящик, но все равно не видел ничего полезного.

– А каким образом тени могут быть связаны с Апопом и душами умерших?

Я поглядел на Баст. Она сосредоточенно драла когтями столешницу, как всегда, когда бывала чем-то сильно угнетена или встревожена. Дома нам пришлось сменить уже несколько столов.

– Баст? – мягко окликнула ее Сейди.

– Апоп и тени, – задумчиво проговорила она. – Никогда бы не подумала... – Она встряхнула головой и сказала уже тверже: – С такими вопросами вам лучше обратиться к Тоту. Он в этом деле сведущ куда больше, чем я.

Тут у меня кое-что всплыло в памяти. Однажды папа читал лекцию в каком-то университете... в Мюнхене, что ли? Студенты задали вопрос насчет египетских представлений о человеческой душе и ее множественной природе. Кажется, папа тогда упомянул что-то о тенях...

«Подобно руке, имеющей пять пальцев, – объяснял папа, – душа имеет пять частей».

Я посмотрел на собственные пальцы, стараясь вспомнить.

– Пять частей души... Это какие же?

Баст промолчала. Вид у нее был какой-то стесненный.

– Картер? – окликнула меня Сейди. – Какое это имеет отношение...

– Просто помоги мне, ладно? – попросил я. – Первая часть – это *ба*, так? Личность человека.

– Ага, летучая курица, – кивнула Сейди.

Вот так. Дайте Сейди волю – и она обзовет часть вашей бессмертной души домашней птицей. Но я понял, что она имеет в виду. *Ба* – это тот дух, который способен покидать наше тело во сне и который может являться на земле после нашей смерти в виде призрака. При этом он действительно принимает облик большой сияющей птицы с человеческой головой.

– Верно, – кивнул я, – пусть будет курица. – Потом еще есть *ка* – жизненная сила, которая покидает тело после смерти. И еще есть *иб*, это сердце...

– Совокупность всех добрых и злых деяний человека, – подтвердила Сейди. – Именно эту часть души взвешивают на весах справедливости в загробном мире.

– Четвертая часть... – я замаялся.

– Это *рен*, – подсказала Сейди. – Тайное имя.

Мне не было неловко даже посмотреть на нее. Минувшей весной сестра спасла мне жизнь, для чего ей пришлось использовать мое тайное имя. Она узнала его от меня самого... и, по сути дела, оно дало ей доступ к моим самым потаенным мыслям и самым темным переживаниям. С тех пор, правда, она держалась очень мило и ни разу не напомнила мне об этом, но все равно... давать такое мощное оружие в руки младшей сестре – значит чувствовать себя бесконечно уязвимым.

Эту же часть души, *рен*, полгода назад наш друг Бес поставил за нас в игре с богом луны Хонсу... и проиграл. Теперь он превратился в пустую оболочку себя самого и просиживает дни напролет в кресле-коляске в приюте для престарелых богов в Нижнем мире.

– Правильно, – согласился я. – А пятая часть – это и есть тень, так? – спросил я, поворачиваясь к Баст.

Сейди непонимающе нахмурилась.

– Тень? Но как это тень может быть частью души? Это же просто силуэт, разве нет? Игра света.

Баст вытянула руку над столом и поглядела на тусклую тень, которую ее пальцы отбрасывали на полированное дерево.

– От тени нельзя освободиться. Твоя тень, *шеут*, всегда с тобой. Она есть у всех живых существ.

– А также у камней, карандашей, туфель и кучи всего другого, – заявила Сейди. – Разве это означает, что у них тоже есть душа?

– Все-то ты знаешь, – проворчала Баст. – Живые существа отличаются от камней... *большинство*, по крайней мере. *Шеут* – это не просто физическая тень, которую отбрасывает тело. Это магическая проекция души, ее контур.

– Значит, в этом ящике... – заговорил я. – Когда ты сказала, что в нем содержится тень фараона Тутанхамона...

– Я имела в виду именно пятую часть его души, – подтвердила Баст. – *Шеут* фараона обитает в этом ларце, чтобы в загробном мире он не остался без тени.

Я уже всерьез опасался, что мой мозг сейчас взорвется. Я нутром чувствовал, что наша догадка про тени очень важна, только пока не понимал, какой нам от нее толк. Мы как будто бы держали в руках кусочек головоломки... вот только головоломка оказалась не та.

Нужный нам кусочек мы спасти не смогли – тот самый невозстановимый отныне свиток, который помог бы нам повергнуть Апопа. А вместе с ним не спасли и целый ном дружески расположенных к нам магов. И все, что нам удалось вынести из этого трагического путеше-

ствия – это пустой ящик, украшенный рисунками уток. Я еле сдержался, чтобы в сердцах не запустить фараонов ларец с тенью через всю библиотеку.

– Потерянная тень... – пробормотал я. – Напоминает историю про Питера Пена.

Глаза Баст тускло горели, как бумажные фонарики.

– А как ты думаешь, что послужило основой для сказки о том, как Питер Пен потерял свою тень? Люди на протяжении веков слагали сказки про живые тени – и все они уходят корнями в эпоху Древнего Египта.

– Ладно, но какая нам от всего этого польза? Вот «Книга повержения Апопа» действительно могла бы нам помочь. Но ее больше нет!

Согласен, мои слова прозвучали довольно грубо, но я и в самом деле здорово разозлился.

Сейчас, когда я вспомнил папины лекции, мне страстно захотелось снова стать обычным ребенком и путешествовать с папой по свету. Мы с ним пережили множество странных и опасных событий, но я всегда чувствовал себя любимым и защищенным. Папа всегда знал, что нужно делать. А сейчас от тех времен у меня остался только мой чемодан, который пылился в шкафу в моей комнате.

Это было ужасно несправедливо. Но я знал, что сказал бы на этот счет отец: *«Справедливость означает, что каждый получает то, что ему нужно. А единственный способ получить то, что тебе нужно, – это добиться всего самому»*.

Отлично, папа. Вот сейчас я столкнулся с опаснейшим врагом, а то, что мне было нужно, чтобы одолеть его, безвозвратно уничтожено.

Видимо, Сейди догадалась, о чем я думаю.

– Картер, мы обязательно во всем разберемся, – пообещала она. – Баст, ты вроде собиралась сказать что-то насчет Апопа и теней.

– Нет, не собиралась, – пробормотала Баст.

– Ну почему ты так нервничаешь? – принялся допытываться я. – У богов вообще есть тени? А у Апопа? И если есть, то как они действуют?

Баст мрачно выпарапывала ногтями на столешнице какие-то иероглифы, и я почти был уверен, что они означают ОПАСНОСТЬ.

– Правда, ребята... С этими вопросами лучше к Тоту. Да, у богов есть тени. Конечно, есть. Только... короче, нам об этом говорить не положено.

Я редко видел, чтобы Баст так волновалась. И сейчас никак не мог понять почему. Ведь она – та самая богиня, которая сражалась с Апопом в магической темнице лицом к лицу, клык к когтю, на протяжении тысяч лет. Почему же она так боится каких-то теней?

– Баст, – сказал я. – Если мы не придумаем ничего другого, нам придется перейти к плану Б.

Богиня вздрогнула и поморщилась. Сейди уныло уставилась в стол. План Б мы обсуждали только вчетвером: я, Сейди, Баст и Уолт. Наших учеников мы посвящать в него не стали, и даже Амосу ничего не сказали. Потому что этот план и в самом деле был очень страшный.

– Я... не хочу, чтобы до этого дошло, – сказала Баст. – Но, Картер, я и в самом деле не знаю ответов на твои вопросы. А если ты начнешь копать глубже, расспрашивая насчет теней, то вступишь в очень опасное...

В дверь библиотеки постучали, и на вершине лестницы возникли Клио и Хуфу.

– Простите, что прерываю вас, – сказала Клио. – Картер, Хуфу только что прибежал из твоей комнаты. Кажется, у него для тебя срочное сообщение.

– Агх! – настойчиво тявкнул Хуфу.

Баст, лучший знаток павианьего, тут же перевела:

– Он говорит, тебе поступил вызов на гадательную чашу. Личный вызов, как я понимаю.

Как будто у меня сейчас и без этого мало забот. Только один человек мог обратиться ко мне с помощью гадательной чаши, и раз он вызывает меня так поздно ночью, значит, меня ждут плохие новости.

– Совещание откладывается, – сказал я остальным. – Увидимся утром.

4

Я советуюсь с голубем войны

Картер

Я был влюблен в купальню для птиц.

Большинство парней то и дело проверяют текстовые сообщения на телефоне или торчат в чатах, переписываясь со своими девушками. А я был неразлучен с гадательной чашей.

Она представляла собой простое бронзовое блюдо на каменной подставке и стояла на балконе моей комнаты. Но стоило мне оказаться у себя, как я не мог удержаться, чтобы не выскакивать каждую минуту на балкон: а вдруг Зия прислала какую-нибудь весточку? Вдруг я снова смогу увидеть ее хотя бы мельком?

И ведь что самое странное: я даже не мог назвать ее своей девушкой. Вот представьте себе, что вы до безумия влюбились... не в живую девушку, а в ее глиняного двойника-*шабти*, потом спасли от верной гибели ее саму – и обнаружили, что она вовсе не разделяет ваших чувств. И после этого Сейди еще говорит, что это у нее сложные отношения.

Последние полгода, с тех самых пор, как Зия отправилась помогать моему дяде в Первый ном, мы общались исключительно посредством чаши. Я провел столько часов, глядя в нее и разговаривая с Зией, что уже почти не помнил, как Зия выглядит без этой ряби от зачарованного масла.

Я совсем запыхался, пока добежал до балкона. С поверхности масла на меня смотрела Зия: руки скрещены, лицо сердитое, а взгляд такой, что того гляди начнет метать искры. (Самая первая чаша, которую сделал для меня Уолт, однажды и в самом деле вспыхнула и сгорела, но в том случае Зия была ни при чем.)

– Картер, – сказала она, – я тебя придушить готова.

Какая же она красивая... особенно когда грозитя меня убить. За лето ее волосы отросли и теперь падали на плечи блестящей черной волной. Хотя сейчас передо мной была живая девушка, а не *шабти*, ее черты были совершенны, как у самой прекрасной статуи: точеный носик, полные алые губы, потрясающие янтарные глаза. Ее смуглая кожа мягко сияла, как только что обожженная в печи терракота.

– Наверное, ты узнала о Далласе, – догадался я. – Зия, мне очень жаль...

– Картер, о Далласе уже знают все. Другие номы за последний час направили Амосу множество посланников-*ба*, требуя объяснений. Магические сотрясения в Дуате были такой силы, что их заметили маги даже на Кубе. Одни утверждают, что мы взорвали пол-Техаса, другие уверены, что от Пятьдесят Первого нома вообще ничего не осталось. А некоторые... некоторые говорят, что вы погибли.

Тревожные нотки в ее голосе слегка подняли мое настроение, но зато и чувство вины тоже обострили.

– Я хотел сообщить тебе заранее, честно, – сказал я. – Но к тому времени, как мы догадались, что следующий удар Апопа будет направлен на Даллас, нам уже пора было немедленно выезжать.

Я подробно пересказал ей все, что случилось на выставке фараона Тутанхамона, не скрывая ни наших ошибок, ни несчастливых случайностей.

Вглядываясь в лицо Зии, я пытался понять ее настроение, но даже сейчас, по прошествии стольких месяцев, мне было трудно догадаться, о чем она думает. Сам факт того, что я *вижу* ее, вызывал у меня в мозгу нечто вроде короткого замыкания. Мне требовалось время, чтобы начать хоть что-то соображать и разговаривать связными предложениями.

Когда я закончил свой рассказ, она пробормотала что-то по-арабски: чертыхнулась, скорее всего.

– Я рада, что вы живы... но Пятьдесят Первый ном уничтожен... – Она потрясла головой, словно не в силах поверить этой новости. – Я знала Энни Гриссом. Она обучала меня целительной магии, когда я была еще маленькой.

Я вспомнил симпатичную блондиночку, которая так весело играла с музыкантами на вечеринке, а потом разбитую скрипку на краю воронки.

– Они были хорошие люди, – сказал я.

– И одни из немногих наших союзников, – отозвалась Зия. – Мятежники уже успели обвинить тебя в гибели техасских магов. Если от Амоса отвернутся и другие номы...

Она не договорила, но в этом и не было необходимости. Минувшей весной худшие негодяи из числа магов Дома Жизни организовали штурмовой отряд, собиравшийся уничтожить Бруклинский Дом. Мы одержали над ними победу, а Амос, приняв титул Верховного Чтеца и сделавшись новым главой ордена, объявил им амнистию и призвал присоединиться к нему. Кое-кто так и сделал, но часть мятежников отказалась признать его власть. Сейчас они деятельно собирали силы и вербовали себе новых сторонников среди магов для борьбы с нами. Как будто нам без них не хватало врагов.

– Они обвинили меня? – оторопел я. – Они что, уже связались с тобой?

– Хуже. Они распространили обращение к тебе по магическим каналам.

Масло подернулось рябью, и вместо Зии в чаше появилось другое лицо, принадлежащее Саре Джакоби, предводительнице мятежников. У нее была молочно-белая кожа, короткие черные волосы, торчащие колючками, и темные, вечно выпученные глаза, чересчур густо обведенные сурьмой. Белое одеяние, напоминающее саван, делало ее похожей на хэллоуинского упыря.

Сара стояла в каком-то зале с белыми мраморными колоннами. Позади нее с насупленными физиономиями топтались еще с полдюжины магов – отборные убийцы под командованием Джакоби. Я сразу узнал синее одеяние и бритую голову мужчины по имени Квай, которого, насколько я знал, некогда изгнали в Северную Корею за убийство его коллеги. Рядом с ним стоял Петрович – украинец с иссеченным шрамами лицом, который раньше служил наемным убийцей у нашего заклятого врага Влада Меньшикова.

Остальных я опознать не смог, но не сомневался: вряд ли они уступали в жестокости и злобе самой Саре Джакоби. Она же, пока Меньшиков не призвал ее к себе на службу, находилась в ссылке в Антарктиде за то, что вызвала в Индийском океане мощное цунами, погубившее более четверти миллиона жизней.

– Картер Кейн! – рявкнула она.

Даже понимая, что это не живой голос, а магическая запись, я все равно подскочил.

– Дом Жизни требует, чтобы вы немедленно сдались, – заявила она. – Совершенные вами преступления непростительны. Вы заплатите за них жизнью.

Не успели мои сжавшиеся в комок внутренности хоть чуть-чуть расслабиться, как на масляной поверхности замелькала череда кошмарных изображений. Сначала я увидел, как взрывается Розеттский камень в Британском музее: именно эта катастрофа освободила Сета, который в прошлое Рождество убил моего отца. Как Джакоби удалось получить запись этого события? Потом я увидел бой за Бруклинский Дом весной этого года, когда мы с Сейди прибыли на солнечной лодке Ра как раз вовремя, чтобы выбить из особняка Джакоби и других наемников.

Только в ее представлении все выглядело так, будто это мы, шайка хулиганов, заручившаяся помощью богов, напали на бедняжку Джакоби и ее друзей и жестоко их избили.

– Вы выпустили на свободу Сета и его братию, – продолжала Джакоби. – Вы нарушили самое священное правило магии и вступили в сговор с богами. Тем самым вы нарушили равновесие Маат, и из-за вас Апоп набрал силу и угрожает всему миру.

– Неправда! – заорал я. – Апоп все равно бы возродился!

Тут я спохватился, что пытаюсь спорить с записью, и заткнулся.

В чаше продолжали мелькать картинки, одна страшнее другой. Сначала пылающее высотное здание в округе Сибуя в Токио, штаб-квартира Двести Тридцать Четвертого нома. Крылатый демон с головой в виде самурайского меча ворвался через разбитое окно и набросился на кричащего от ужаса мага.

Потом я увидел дом бывшего Верховного Чтеца, Мишеля Дежардена: нарядный парижский особняк в центре города, на улице Пирамид, лежал в руинах. Крыша обвалилась, окна зияли разбитыми стеклами, безжизненный сад был весь забросан обрывками свитков и размокшими книгами, а на входной двери, как клеймо, был выжжен иероглиф Хаоса.

– Все это дело ваших рук, – снова заговорила Джакоби. – Вы вручили мантию Верховного Чтеца прислужнику зла. Вы развратили юных магов, обучая их запретному пути богов. Вы обескровили Дом Жизни, лишив его сил сопротивляться, и предали его на милость Апопа. Мы этого не потерпим. Любой, кто последует за вами, будет наказан.

Изображение сменилось: теперь в чаше был виден Дом Сфинкса в Лондоне – штаб-квартира британского нома. Мы с Сейди не раз бывали там этим летом, и в конце концов, после многих часов сложных переговоров, сумели наладить отношения с тамошними магами и сделать их своими союзниками. Теперь я увидел, как Квай ворвался в библиотеку нома, круша статуи богов и сбрасывая книги с полок. Сара Джакоби с победным видом прохаживалась вдоль шеренги из дюжины британских магов, закованных в цепи, и помахивала тускло мерцающим черным ножом. Главу нома, пожилого и совершенно безобидного мага, сэра Лейчестера, силой поставили на колени. Сара Джакоби замахнулась ножом, резко опустила руку... и изображение снова сменилось.

На поверхности масла снова крупным планом возникло вурдалачье лицо Джакоби. Глаза ее были непроницаемо черны, как глазницы черепа.

– Вы, Кейны, настоящее бедствие, – сказала она. – Вы должны быть уничтожены. Если все ваша семейка сдастся добровольно, мы пощадим ваших последователей, при условии что они откажутся от пути богов. Я не стремлюсь к должности Верховного Чтеца, однако считаю себя обязанной занять ее ради блага Египта. Когда с Кейнами будет покончено, мы снова обретем силу и единство. Мы исправим тот вред, который вы причинили, и отправим богов вместе с Апопом обратно в Дуат. Правосудие настигнет тебя, Картер Кейн, и очень быстро. Это наше первое и последнее предупреждение.

Изображение Сары Джакоби растворилось в масле, и я снова оказался лицом к лицу с Зией.

– Да уж, – пробормотал я, с трудом подавляя дрожь. – Для массовой убийцы она очень убедительна.

Зия кивнула.

– Сара Джакоби уже подчинила или склонила на свою сторону большую часть наших союзников в Европе и Азии. Многие недавние нападения на штаб-квартиры номов, в том числе в Париже, Токио и Мадриде, – это дело рук Джакоби, но она утверждает, что их совершил Апоп... или Бруклинский Дом.

– Но это же полная чушь!

– Нам с тобой это известно, – согласилась она. – Но маги напуганы. Джакоби твердит им, что, как только с Кейнами будет покончено, Апоп будет загнан обратно в Дуат, и жизнь снова

вернется в нормальную колею. И они ей верят... потому что им *хочется* верить. К тому же она пообещала, что каждого, кто объявит себя вашим последователем, ожидает смертная казнь. А после того, что случилось в Далласе...

– Я уже понял, – резко перебил я.

Конечно, злиться на Зию было совершенно несправедливо, но чувство собственной беспомощности выводило меня из себя. Что бы мы ни делали, все оборачивалось не так, как мы хотели. Я представил себе, как Апоп хохочет в своем Нижнем мире. Может, он потому и не нападает пока на Дом Жизни в полную силу, что ему веселее наблюдать, как мы сами уничтожаем друг друга.

– А почему Джакоби не направила свое послание Амосу? – поинтересовался я. – Это ведь он Верховный Чтец.

Зия коротко глянула в сторону, как будто что-то проверяя. Я мало что видел из ее окружения, но не похоже, чтобы она находилась в своей спальне в Первом номе или в зале Эпох.

– Джакоби ведь объявила, что они считают Амоса приспешником зла. Они не собираются с ним разговаривать.

– Это потому, что однажды в него вселился Сет, – догадался я. – Но ведь это была *не* его вина! И потом его полностью исцелили. Он в полном порядке.

По лицу Зии скользнула тень.

– В чем дело? – напрягся я. – Он ведь в порядке, правда?

– Картер, это... это сложный вопрос. Послушай, сейчас наша главная проблема – это Джакоби. Она захватила бывшую базу Меньшикова в Санкт-Петербурге, которая почти так же неуязвима, как и Первый ном. Мы не знаем, ни что она замышляет, ни как много магов ей помогают. Мы не знаем, когда и где она нанесет следующий удар. Но она нападет снова, и очень скоро.

«Правосудие достигнет тебя очень быстро. Это наше первое и последнее предупреждение».

Что-то подсказывало мне, что вряд ли Сара Джакоби снова станет атаковать Бруклинский Дом, учитывая, какое унижение ей пришлось пережить здесь в прошлый раз. Но если она хочет захватить весь Дом Жизни и уничтожить Кейнов, то куда она первым делом направит свои силы?

Наши взгляды встретились, и я догадался, о чем она думает.

– Нет, – решительно замотал я головой. – На Первый ном они нападать не станут. Это же чистое самоубийство! За пять тысяч лет его ни разу не захватывали.

– Картер... мы сейчас гораздо слабее, чем ты думаешь. Нам и раньше-то не хватало людей, а теперь... Многие из наших лучших магов пропали, и мы не можем исключить, что они перешли на другую сторону. У нас осталось только несколько стариков и горстка перепуганных детей, плюс Амос и я. – Она раздраженно махнула рукой. – А я к тому же половину времени вынуждена торчать здесь...

– Погоди-ка, – сказал я. – А где ты сейчас?

Где-то слева от Зии послышался дребезжащий голос:

– Приве-е-ет!

– Замечательно, – вздохнула Зия. – Он как раз проснулся.

Рядом с ней в чаше отразилась физиономия глубокого старика, ухмыляющегося во все свои два зуба. Лысая морщинистая голова делала его похожим на враз состарившегося младенца.

– Зебры здесь! – продребезжал он радостно, затем раззявил рот и попытался отпить масло из чаши. По изображению побежала рябь.

– Нет, владыка, нет! – заговорила Зия, оттаскивая его назад. – Нельзя пить зачарованное масло. Мы ведь уже говорил об этом, правда? Вот, лучше возьми печенье.

– Печенье! – возликовал старик и с радостным «Уииии!» заковылял прочь, мусоля угощение.

Думаете, это был престарелый родственник Зии? О нет. Это был владыка Ра, бог солнца, первый божественный правитель Египта и непримиримый враг Апопа. Весной, в результате трудного и опасного путешествия, мы отыскали его и пробудили от сумеречного сна, надеясь, что он восстанет во всей своей славе и отразит нападение Хаоса.

Но Ра проснулся дряхлым и слабоумным. Он превосходно справлялся с поеданием печенья, пусканием слюней и распеванием бессмысленных песенок, но отправлять его на битву с Апопом было бы попросту нелепо.

– Тебя что, *опять* приставили к нему нянкой? – возмутился я.

– Здесь уже скоро рассветет, – пожалла плечами Зия. – Гор и Исида присматривают за ним по ночам, во время плаванья на лодке, а в течение дня... понимаешь, Ра очень расстраивается, если я его не навещаю, а больше никто из богов не хочет сидеть с ним. Сказать по правде, Картер... – она понизила голос. – Я даже боюсь оставлять Ра с ними наедине. Мало ли, что они сделают. Все уже порядком устали от него.

– Уииии! – послышался приглушенный голос Ра.

У меня упало сердце. Вот и в этом тоже моя вина: из-за меня Зия вынуждена нянчиться с впавшим в детство стариком, проводя целые дни в тронном зале богов. А по ночам ей приходится помогать Амосу в Первом номе. Вряд ли она успевает хотя бы нормально выспаться, где уж ей еще ходить на свидания – даже если бы я отважился пригласить ее как-нибудь.

Разумеется, все это не будет иметь никакого значения, если Апоп уничтожит весь мир или если Сара Джакоби и ее убийцы доберутся до меня. На мгновение я даже подумал: а вдруг Сара Джакоби права? Вдруг мир действительно катится под откос из-за нас, Кейнов, а если нас не будет, все сразу пойдет на лад?

Чувство беспомощности навалилось на меня такой тяжестью, что я даже задумался – не воззвать ли к помощи Гора. Мне бы сейчас не помешало приобщиться к отваге и уверенности бога войны. Правда, я тут же заподозрил, что впускать сейчас в свою голову мысли Гора – не лучшая идея. В моей душе и так царил такой раздрай, что только чужих советов и понуканий мне не хватало.

– Узнаю это выражение, – проворчала Зия, внимательно глядя на мое лицо. – Ты не должен винить себя, Картер. Если бы не вы с Сейди, Апоп уже погубил бы всю землю. А пока у нас остается надежда.

План Б, подумал я. Если мы не сумеем разгадать тайну теней и как их можно использовать в войне с Апопом, нам придется воспользоваться нашим запасным планом. Который, даже если он сработает, означает для нас с Сейди верную смерть. Но Зии я говорить об этом не собирался. Ей и без меня хватает неприятностей.

– Ты права, – сказал я. – Мы что-нибудь придумаем.

– К вечеру я вернусь обратно в Первый ном. Пришли мне тогда вызов, ладно? Нам нужно поговорить о...

Позади нее что-то загрохотало, словно кто-то волок по полу тяжелую каменную глыбу.

– Собек явился, – шепнула она. – Терпеть его не могу. Поговорим позже.

– Погоди, Зия, – позвал я. – А о чем поговорить?

Но поверхность масла уже затянуло тьмой, и лицо Зии пропало.

Я знал, что мне необходимо поспать. Но вместо этого я принялся мерить шагами комнату.

Спальни в Бруклинском Доме были очень уютные: удобные кровати, шикарные телевизоры, скоростной беспроводной Интернет, магически самопополняющиеся холодильники. Уборкой занималась целая армия зачарованных метелок, веников и швабр, которые умудря-

лись поддерживать чистоту без всяких усилий с нашей стороны. Шкафы всегда были полны чистой и выглаженной одежды как раз по размеру.

И все-таки я чувствовал себя в своей спальне как в клетке. Отчасти, наверное, потому, что моим соседом по комнате был павиан. Пусть Хуфу проводил в ней не так уж много времени (обычно он торчал в библиотеке с Клио или возился с малышкой, которая охотно чесала его или выискивала блошек в его шерсти), но на кровати образовалось углубление в форме свернувшегося калачиком павиана, на тумбочке валялась коробка из-под его любимых хлопьев «Чирио», а в углу покачивалась подвешенная на веревке автомобильная крышка. Эти «качели» устроила Сейди, вроде как в шутку, но Хуфу до того полюбил свою дурацкую крышку, что мне не хватало духу от нее избавиться. Но главное – я как-то привык, что Хуфу все время рядом. И теперь, когда он большую часть времени пропадал внизу с ребятей, я скучал без него. Я все больше привязывался к нему, хотя иногда его соседство жутко меня раздражало. В общем, все получилось примерно как с моей сестрой.

(Да, Сейди. Конечно, ты ждала, что я так скажу.)

На мониторе моего ноутбука медленно сменялись картинки скринсейвера. Вот мой папа на раскопках в Египте, такой веселый и деловитый, в своей рабочей одежде хаки. Рукава закатаны, обнажая смуглые мускулистые руки, в которых он держит, демонстрируя фотографу, каменную голову фараона – обломок какой-то статуи. С бритой наголо головой и острой бородкой вид у улыбающегося папы озорной и лукавый.

Вот дядя Амос на эстраде джазового клуба играет на саксофоне – как всегда, неподражаемо элегантно в своих круглых темных очках, синей фетровой шляпе с низкой тульей и такого же цвета безупречно сшитом шелковом костюме. В волосах, заплетенных в мелкие косички, сверкают сапфировые бусины. Я никогда не видел своими глазами, чтобы дядя Амос выступал на сцене, но эту фотографию очень любил: на ней дядя выглядел таким счастливым и энергичным. Не то что в последние дни, когда ответственность за руководство Домом Жизни легла ему на плечи тяжким бременем. К сожалению, этот же снимок напомнил мне и об Энни Гриссом с ее скрипкой – такой жизнерадостной и веселой, еще не знающей, что ждет ее этим вечером.

Картинка сменилась. Теперь на экране появилась моя мама со мной на коленях. Я еще совсем маленький и смешной, с пышной шапкой волос на голове, за которую Сейди меня теперь все время дразнит. Мой голубой комбинезончик на фотографии весь заляпан пюре из батата. Я вцепился в мамины большие пальцы и испуганно вытаращил глаза – мама качает меня на коленях вверх-вниз, а мне это, похоже, не очень-то нравится. На моей физиономии ясно читается: «Снимите меня отсюда!» Волосы у мамы повязаны косынкой, и она, как всегда, очень красивая, даже в старенькой домашней майке и джинсах. Она улыбается и смотрит на меня так, словно я – самое чудесное, что есть в ее жизни.

Смотреть на эту фотографию было больно, но я все равно не отводил глаз.

Мне тут же вспомнилось, что сказала сегодня Сейди: что-то может случиться с душами умерших, так что мы рискуем никогда больше не увидеть маму, если потерпим поражение.

Я сделал глубокий вдох. Мой папа, мой дядя, моя мама – все они могущественные маги. И все пожертвовали очень и очень многим ради восстановления Дома Жизни.

При этом все они были старше, мудрее и сильнее, чем я или Сейди. Они изучали магию десятилетиями, а мы с сестрой – всего девять месяцев. Но именно нам предстояло сделать то, что до сих пор не удавалось никому из магов: победить самого Змея Апопа.

Я полез в шкаф и выволок оттуда свой старый дорожный чемодан. Самый простой, средних размеров чемодан из черной кожи, каких можно увидеть миллион в любом аэропорту. Столько лет я возил в нем свои пожитки по всему свету, путешествуя вместе с папой. Это он приучил меня жить так, чтобы не иметь вещей больше, чем можешь унести.

Я откинул крышку. Сейчас чемодан был пуст, если не считать одного-единственного предмета: вырезанной из красного гранита статуэтки в виде свернувшейся кольцами змеи с

начертанными на ней иероглифами. Имя *Apop* было перечеркнуто, а поверху были нанесены слова самых могущественных связывающих заклинаний. И все равно эта фигурка – изображение врага – была самым опасным предметом во всем доме.

Мы втроем, с Сейди и Уолтом, изготовили ее втайне от всех остальных (и вопреки категорическим возражениям Баст). Уолту мы решились довериться только потому, что рассчитывали на его мастерство в изготовлении амулетов. Даже Амосу мы ничего не сказали, потому что не сомневались: такой опасный эксперимент он точно бы не одобрил. Всего одна ошибка, малейшая неточность в заклинании – и из орудия уничтожения Апопа эта статуэтка может превратиться во врата, открывающие Змею свободный доступ в Бруклинский Дом. Но мы обязаны были рискнуть. Если мы в ближайшее время не отыщем другой способ победить Змея, нам с Сейди придется воспользоваться красной статуэткой для приведения в действие плана Б.

– Глупая затея, – произнес чей-то голос у меня на балконе.

Я резко обернулся. На перилах сидел голубь. С виду самый обычный городской сизарь, но в его взгляде – бесстрашном и даже слегка угрожающем – было что-то очень уж не голубиное. Голос тоже звучал более воинственно, чем обычно ожидаешь от голубки – птицы мира. Впрочем, я сразу его узнал.

– Гор, это ты? – спросил я на всякий случай.

Голубь быстро кивнул.

– Можно мне войти?

Я знал, что он спрашивает не просто из вежливости. Наш особняк был защищен мощными чарами, позволяющими держать на удалении самых разных вредителей, от грызунов и термитов до египетских богов.

– Даю тебе разрешение войти, – произнес я полагающуюся формулу, – бог Гор, в обличе... гм... голубя.

– Благодарю. – Голубь слетел с перил на пол и проковылял в комнату.

– А почему ты в таком виде? – поинтересовался я.

Гор взъерошил перья.

– Вообще-то я хотел найти сокола, но в Нью-Йорке они, похоже, большая редкость. Но мне нужно было что-нибудь с крыльями, и я решил, что голубь подойдет. Они ведь хорошо приспособлены к городской жизни, не боятся людей. И они очень благородные птицы, как тебе кажется?

– Точно, – кивнул я. – Благородные. Это первое слово, которое приходит на ум, когда думаешь о голубях.

– В самом деле, – одобрительно покивал Гор.

Видимо, в Древнем Египте такого понятия, как сарказм, попросту не существовало. По крайней мере, Гор никогда его не распознавал. Он вспорхнул на кровать и принялся клевать крошки «Чирио», оставшиеся от трапезы Хуфу.

– Эй, – всполошился я. – Только не вздумай нагадить на мою постель...

– О, прошу тебя. Боги войны не гадят на чьи-то одеяла. Ой... ну разве что изредка...

– Ладно, проехали.

Гор вспрыгнул на край чемодана и, наклонив головку, посмотрел на статуэтку Апопа.

– Это опасно, – сказал он. – Очень опасно, Картер.

Я ничего ему не рассказывал о нашем плане Б, но не удивился, что он в курсе. Нам с Гором частенько приходилось обмениваться мыслями. Чем полнее я овладевал умением пользоваться его силой, тем лучше мы понимали друг друга. Правда, у пользования божественной магией был один серьезный побочный эффект: я не всегда мог разорвать возникающую между нами связь по собственному желанию.

– Это запасной вариант, – буркнул я. – Мы пытаемся найти другой способ.

– Ах да, вы же искали свиток, – припомнил он. – Тот самый, последняя копия которого сгорела сегодня в Далласе.

Я еле удержался, чтобы не прихлопнуть паршивую птицу крышкой чемодана.

– Верно. Но Сейди добыла некий ящик с тенью и думает, что он может нам пригодиться. Ты случайно не знаешь, как можно использовать тени против Апопа?

Голубь отрицательно pokrutil головой.

– Нет, не думаю. У меня, знаешь ли, довольно прямолинейные представления о магии. Мой рецепт победы прост: разить врагов мечом, пока они все не полягут. Если они снова восстанут, значит, разить их снова. При необходимости повторить. Кстати, с Сетом это сработало.

– И сколько лет тебе на это понадобилось?

Голубь уставился на меня своими пронзительными глазками.

– К чему ты клонишь?

Я решил не спорить. В конце концов, Гор – бог войны. Он любит и умеет сражаться, но у него ушло много лет, чтобы одолеть Сета, бога зла. А ведь Сет – просто мелочь по сравнению с Апопом, первозданной силой Хаоса. Так что бросаться на Апопа с мечом бессмысленно.

Я подумал о том, что недавно услышал в библиотеке от Баст.

– А Тот много знает о тенях? – спросил я.

– Может, и знает, – проворчал Гор. – Тот только на то и годится, чтобы копаться в своих затхлых старых свитках. – Он снова поглядел на фигурку змеи. – Занятно... я тут только что вспомнил. В прежние времена египтяне обозначали слова «статуя» и «тень» одним иероглифом, потому что и то и другое представляет собой уменьшенное подобие живого существа. Они называли их «*шеут*».

– Что ты пытаешься сказать?

Голубь снова взъерошился.

– Нет-нет, ничего. Просто пришло на ум. Посмотрел на статуэтку, а тут ты как раз заговорил о тенях...

У меня между лопатками пробежал холодок.

Тени... статуи...

Весной мы с Сейди видели, как старый Верховный Чтец, Дежарден, провел обряд экзекации Апопа. Этот обряд очень опасен, даже если применять его против обычных демонов. Он подразумевает уничтожение статуэтки или другой уменьшенной копии намеченной жертвы, которое влечет за собой полное и необратимое уничтожение самой жертвы, полное стирание ее с картины мира. Энергия этого заклинания такова, что стоит допустить малейшую ошибку, и все вокруг взорвется – включая и самого мага.

Тогда, в Нижнем мире, Дежарден использовал для экзекации Апопа самодельную фигурку змеи. После прочтения заклинания Верховный Чтец умер, отдав всю свою силу, и при этом ему удалось всего лишь временно загнать Апопа поглубже в Дуат.

Мы с Сейди надеялись, что если мы используем статуэтку, обладающую большей магической силой, и если будем работать над заклинанием вместе, то сможем уничтожить Апопа окончательно, или по крайней мере отправим его в такие глубины Дуата, из которых он никогда не выберется.

Таков был план Б. При этом мы оба прекрасно сознавали, что столь могущественное заклинание потребует всего нашего магического резерва, а значит, будет стоить нам жизни. Если только мы не отыщем другого способа победить Змея.

Статуи и тени, тени и статуи.

В моей голове постепенно забрезжил план В – до того безумный, что я не отваживался облечь его в слова.

– Гор, – осторожно спросил я, – а у Апопа есть тень?

Голубь заморгал глазками-бусинками.

– Что за вопрос! А почему ты вдруг... – Он наклонил голову вбок и покосился на статую одним глазом. – О... О. А что, пожалуй, это толковая идея. Абсолютно безумная, конечно, но толковая. Ты думаешь, в том варианте «Книги повержения Апопа», который написал Сатни и который так старательно уничтожал Апоп... думаешь, в нем содержалось тайное заклинание для...

– Не знаю, – отрезал я. – Об этом стоит спросить Тота. Может, он что-нибудь знает.

– Может, – неохотно согласился Гор. – Но я по-прежнему считаю, что лучший способ борьбы – это лобовая атака.

– Ну конечно. Это твой метод.

Голубь важно кивнул.

– Мы с тобой оба наделены большой силой. Мы могли бы объединиться, Картер. Сосуществовать в одном теле, как раньше. Мы могли бы вместе повести на бой армии богов и людей и поразить Змея. Объединившись, мы будем править всем миром.

Наверно, эта идея звучала бы куда заманчивей, если бы ее озвучил могучий бог-воитель, а не жирная неопрятная птица с клювом, облепленным крошками от хлопьев. Лично мне бы не хотелось, чтобы миром правил такой вот голубь.

– Мы еще вернемся к этому, – уклончиво ответил я. – Но сначала я хотел бы пообщаться с Тотом.

Гор пренебрежительно фыркнул, тряхнув крыльями.

– Его можно найти все там же, в Мемфисе, на этом его дурацком стадионе. Но если он действительно так тебе нужен, лучше поторопиться.

– А что такое?

– Как раз с этим я к тебе и пришел, – сообщил Гор. – Отношения между богами все больше осложняются. Апоп сеет между нами раздоры и срашивает нас друг с другом, точь-в-точь как он делает это с магами. Тот пострадал одним из первых.

– Как это – пострадал?

Голубь нахохлился и выпустил из клюва струйку дыма.

– Ох. Кажется, мой носитель вот-вот самоуничтожится. Лучше мне покинуть его как можно скорее. Действуй быстрее, Картер. Мне стало трудно поддерживать единство среди богов, и старик Ра не способствует укреплению нашего духа. Если мы не соберемся повести наши армии в бой как можно скорее, мы можем остаться и вовсе без армий.

– Но...

Икнув, голубь выпустил очередное дымное облачко.

– Мне пора. Счастливо.

Гор шумно замахал крыльями и неуклюже вылетел в окно, оставив меня наедине со статуэткой Апопа и несколькими серыми перышками на одеяле.

В ту ночь я спал крепче, чем мумия. Это была хорошая новость. А плохая заключалась в том, что Баст растолкала меня только после полудня.

– Почему ты не разбудила меня раньше? – негодовал я. – У меня же столько дел!

Баст развела руками:

– Так настояла Сейди. Прошлая ночь у вас выдалась нелегкая, и она сказала, что тебе нужно как следует выспаться. Ну а я, будучи кошкой, очень высоко ценю целительные свойства крепкого сна.

Как бы я ни злился, в глубине души все-таки стоило признать, что Сейди права. Прошлым вечером я потратил кучу магической энергии, да и лег очень поздно. Так что не исключено – просто как предположение, – что сестрой действительно двигала искренняя забота обо мне.

(Но судя по тому, какие она сейчас корчит рожи, это вряд ли.)

Я принял душ и оделся. К тому времени, как остальные ребята вернулись из школы, я уже почти почувствовал себя человеком.

Да-да, я сказал «школа». Самая обычная школа, как у всех. Всю весну мы занимались с нашими учениками сами, но с началом осеннего семестра Баст решила, что некоторая доза обычной жизни, которой живут простые смертные, пойдет ребятам на пользу. Теперь дневное время они проводят в ближайшей школе в Бруклине, а магию изучают после уроков и по выходным.

Я единственный не стал участвовать в этой затее. Я всю жизнь был на домашнем обучении и привык заниматься самостоятельно. И к тому же решил, что мне и так с головой хватает дел Двадцать Первого нома. Прибавить к этому еще какие-то раздевалки, расписания уроков, учебники, столовскую еду, задания и прочие школьные радости будет уже чересчур.

Можно было ожидать, что остальные начнут жаловаться на такую несправедливость. Особенно Сейди. Но оказалось, что нормальная школьная жизнь всем пошла только на пользу. Девчонки радовались, что у них стало больше подружек (и меньше неотесанных придурков, которые за ними увиваются – так они сказали). Мальчишки получили возможность заниматься спортом в настоящих командах, а не один на один с Хуфу, используя вместо баскетбольных корзин приколотенные к стене статуи с обручем на голове. Ну а Баст откровенно радовалась, что в доме стало тихо и спокойно и можно в свое удовольствие подремать на солнышке, растянувшись на полу.

Одним словом, к тому времени, когда все вернулись домой, я уже успел как следует обдумать вчерашние разговоры с Зией и Гором. План, который зародился у меня ночью, по-прежнему казался мне безумным, но я решил, что ничего лучшего у нас в запасе не имеется. После того как мы коротко обсудили его с Сейди и Баст (то, что они сразу с ним согласились, встревожило меня сильнее, чем самые яростные возражения), настала пора посвятить в него остальную нашу команду.

Пообедать мы собрались на веранде. Это очень приятное место: от ветра его защищают невидимые щиты, с высоты открывается потрясающий вид на Ист-Ривер и Манхэттен. Еда на столе появлялась сама собой, магическим образом, и всегда получалась очень вкусной. И все-таки я не любил здесь есть. На протяжении девяти месяцев, которые мы прожили в Бруклинском Доме, все значительные собрания проводились именно тут, из-за чего обеденный стол невольно ассоциировался у меня с неприятностями.

Мы наполнили свои тарелки у буфетной стойки и расселись. Наш сторож, крокодил-альбинос по имени Филип Македонский, весело плескался в бассейне. Не все из нас легко привыкли к тому, чтобы принимать пищу в соседстве с двадцатифутовым крокодилом, но Филип был безупречно воспитан и не причинял никаких неудобств. Сам он питался исключительно ветчиной, сбившимися с пути чайками и, при случае, враждебными монстрами, которые имели наглость врываться в наше жилище.

Баст, по обыкновению, заняла место во главе стола, мурлыча над банкой кошачьего корма с тунцом. Мы с Сейди уселись напротив нее. Хуфу где-то возился с малышкой, несколько новичков, прибывших к нам недавно, остались в доме – делали уроки или разучивали заклинания. Но основная наша команда, двенадцать учеников возрастом постарше, собралась здесь.

Учитывая, какой катастрофой обернулась минувшая ночь, все были в странно приподнятом настроении, так что я про себя только порадовался, что они еще не знают про угрозы Сары Джакоби. Джулиан раскачивался на стуле, ухмыляясь без видимых причин. Клио и Жас о чем-то оживленно шептались и хихикали. Даже Феликс, похоже, оправился от пережитого в Далласе потрясения и теперь старательно лепил из картофельного пюре миниатюрных *шабти* в виде пингвинов, тут же оживляя их.

Один только здоровяк Уолт с хмурым видом ковырялся в тарелке, на которой не было ничего, кроме трех кусочков морковки да кучки мармеладин «Джелл-О» – наверняка по насто-

янию Хуфу. Наш павиан был убежден, что «Джелл-О» – лучшее лекарство от всех недугов. Заметив напряженное выражение глаз Уолта и скованность его движений, я догадался, что сейчас он чувствует себя еще хуже, чем ночью.

– Слушай, что происходит? – негромко спросил я, повернувшись к Сейди. – У всех такой вид...

Сейди воззрилась на меня.

– Все время забываю, что ты не ходишь в школу. Картер, ведь сегодня вечером бал! Приглашены еще три школы. Не могли бы мы провести это совещание побыстрее, а?

– Ты шутишь, – оторопел я. – Я тут составляю планы, как избежать конца света, а ты переживаешь, что мы можем опоздать на школьные танцульки?

– Я говорила тебе про этот бал сто раз, – разгорячилась она. – К тому же нам всем не помешает немного поднять настроение. Давай уж, излагай свой план. Некоторым из нас еще нужно решить, что надеть.

Я уже открыл рот, чтобы возмутиться, но заметил, что все остальные смотрят на меня выжидающе.

– Ладно, – начал я, прочистив горло. – Знаю, сегодня у вас бал, но...

– В семь часов, – вставила Жас. – И ты тоже пойдешь на него, правда?

Она улыбнулась. Неужели она... флиртует со мной?

(Сейди только что обозвала меня тормозом. Эй, у меня голова вообще-то другим была занята!)

– Гм... тем не менее, – продолжил я. – Нам нужно поговорить. Обсудить то, что произошло в Далласе... и еще кое-какие события.

Ребята тут же посерьезнели, смешки прекратились. Они внимательно выслушали мой рассказ о нашем походе в Пятьдесят Первый ном и о том, как была уничтожена «Книга повержения Апопа» и найден ларец с тенью. Еще я рассказал им о послании Сары Джакоби, в котором она требовала моей капитуляции, и о смуте среди богов, о которой поведал Гор.

Потом слово взяла Сейди, рассказав о своей странной встрече с лицом на стене, двумя божествами и призраком нашей мамы. Под конец она высказалась, что, мол, нутром чует – лучший способ победить Апопа каким-то образом связан с тенями.

Клио робко подняла руку.

– То есть... мятежные маги вынесли вам смертный приговор. Боги ничем нам не помогут. Апоп готов восстать в любой момент, а последний свиток, который мог его сдержать, безвозвратно уничтожен. Но нам не стоит волноваться, потому что у нас есть пустой ящик и смутные предчувствия насчет теней. Я все правильно поняла?

– Ух ты, Клио, – восхитилась Баст. – Рассуждаешь как настоящая кошка!

Я уперся ладонями в стол. Вот сейчас черпнуть бы чуть-чуть от силы Гора и разнести его одним ударом в щепки... Однако я сомневался, что, отведя таким образом душу, укреплю свою репутацию спокойного и собранного руководителя.

– Это не просто смутное предчувствие, – сказал я. – Послушайте, вы же все знаете, что такое экзекрация, верно?

Крокодил Филип сердито фыркнул и шлепнул хвостом по воде с такой силой, что обеденный стол окатило дождем брызг. Магические существа терпеть не могут разговоров об экзекрации.

– Ребята, но вы же не можете провести обряд экзекрации над Апопом, – сказал Джулиан, стряхивая капли со своего сэндвича с запеченным сыром. – Он же здоровенный. Дежарден вон попробовал... и умер.

– Знаю, – отозвался я. – При обычном обряде экзекрации маг уничтожает статуэтку, изображающую врага. Но если бы, скажем, удалось сделать заклинание более действенным... например, уничтожив более близкое магическое подобие Апопа?

Уолт резко подался вперед, внезапно заинтересовавшись.

– Ты имеешь в виду его тень?

Феликс так поразился, что выронил ложку, случайно раздавив одного из своих пингвинчиков.

– Погодите... что?

– Мне эту идею подал Гор, – сказал я, – когда упомянул, что в древности статуи и тени назывались одним и тем же словом.

– Но ведь это имеет скорее символический смысл, – заметила Элисса. – Разве не так?

Баст отставила опустевшую банку из-под кошачьего корма. Видно было, что разговор о тенях ее по-прежнему нервирует, но когда я объяснил ей, что в противном случае нас с Сейди ждет смерть, она согласилась поддержать наш новый план.

– Возможно, не только символический, – заговорила она. – Впрочем, я не специалист по экзекрации, мерзкое это дело. Но нельзя исключить, что исходно в этом обряде использовали не статуэтку, а тень врага, то есть важную часть его души.

– Таким образом, – вмешалась Сейди, – мы могли бы провести экзекрацию Апопа, уничтожив вместо статуэтки его подлинную тень. Разве не здорово?

– Бред какой-то, – буркнул Джулиан. – Как можно уничтожить тень?

– Не такой уж и бред, – сказал Уолт, рассеянно отгоняя картофельного пингвина от своего мармелада. – Вся симпатическая магия как раз и основана на том, чтобы воздействовать на основную мишень с помощью ее уменьшенного подобия. Вполне возможно, что изначально магические статуэтки, изображающие людей или богов, действительно содержали в себе их *шеут*. Существует ведь множество историй о том, как души богов, вселялись в статуи. И если тень можно запереть в глиняной фигурке, как в ловушке, то потом ее наверняка можно уничтожить.

– А ты можешь сделать такую статуэтку? – спросила Элисса. – Такую, которая могла бы вместить тень... самого Апопа?

– Возможно. – Уолт бросил на меня быстрый взгляд. Большинство сидящих за столом не подозревали, что мы уже изготовили статуэтку, предназначенную для этой самой цели. – Но даже если я ее сделаю, нам все равно понадобится найти саму тень Змея. Да и магия, с помощью которой эту тень можно изловить и уничтожить, наверняка очень сложная.

– Найти тень? – Малыш Феликс нервно хихикнул, как будто все еще надеялся, что мы шутим. – А разве она не должна быть, ну... прямо под ним? И как ее можно изловить? Наступить на нее? Или посветить на нее фонариком?

– Все может оказаться куда сложнее, – вздохнул я. – Тот древний маг, Сатни, который написал собственную версию «Книги повержения Апопа»... я думаю, что он создал особое заклинание, позволяющее изловить и уничтожить тень. Вот почему Апоп так стремился поскорее сжечь все копии свитка Сатни. Он хотел скрыть свою тайну... свое уязвимое место.

– Но ведь свитка больше нет, – пискнула Клио.

– Зато есть кое-кто, кого мы можем расспросить, – сказал Уолт. – Тот. Уж если кто знает ответы на наши вопросы, то это он.

Напряжение, сгустившееся за столом, немного спало. Что ж, по крайней мере мы подали нашим ученикам хоть какую-то надежду, даже если шансов на успех совсем мало. Я лишний раз порадовался, что у нас есть Уолт. Благодаря его мастерству в создании магических предметов нам, может быть, удастся связать тень со статуэткой, а его уверенность поддержит дух нашей команды.

– Нужно навестить Тота как можно скорее, – сказал я. – Сегодня же вечером.

– Ага, – кивнула Сейди. – Только после бала.

Я уставился на нее, не веря своим глазам.

– Ты что, серьезно?

– Еще как, мой дорогой братец. – Она озорно ухмыльнулась, и на мгновение я заподозрил, что если добром меня уговорить не получится, то Сейди не раздумывая пустит в ход мое тайное имя. – Сегодня вечером мы все идем на танцы. И ты тоже, учти.

5

Танец со смертью

Сейди

Поздравляю, Картер. По крайней мере, тебе хватает ума передавать мне микрофон тогда, когда речь заходит о действительно важных вещах.

Честное слово, мой братец готов часами бубнить про свои планы на конец света, а о школьном бале даже не подумал! Нет, с его приоритетами определенно нужно что-то делать.

Лично я отказываюсь считать, что желание пойти на танцы – это проявление эгоизма с моей стороны. Разумеется, нам предстоит множество серьезных дел. Вот именно поэтому я и настояла, чтобы мы сначала как следует встряхнулись. Наши ученики нуждались в моральной поддержке. Нуждались в том, чтобы хоть немного побыть нормальными ребятами – завести друзей, найти себе интересное занятие за пределами Бруклинского Дома... На одном только чувстве долга далеко не уедешь. Им нужно было что-то, за что стоит сражаться. Ведь даже солдаты на поле боя воюют лучше, если дать им передохнуть и отвлечься от тягот войны. Уверена, кто-нибудь из великих полководцев непременно изрекал что-нибудь в этом роде.

К вечеру я уже была в полной боевой готовности. Черные пряди в моих светлых волосах отлично сочетались с симпатичным черным платьем без бретелек, а ненавязчивый темный макияж придавал мне желанный, слегка загробный, но наверняка очень романтичный вид. Чтобы было удобнее танцевать, я надела туфли без каблуков (что бы там ни говорил Картер, я вовсе не всегда ношу армейские ботинки; всего лишь девяносто процентов времени). На шее у меня поблескивал серебряный амулет *тиет*, который я взяла из маминой шкатулки с украшениями, а еще подаренный мне Уолтом на мой последний день рождения кулон, изображающий знак *шен* – египетский символ вечности.

У Уолта в его обширной коллекции талисманов был еще один точно такой же. Благодаря этим парным амулетам у нас с ним было нечто вроде магической линии связи, которая в случае крайней необходимости даже давала нам возможность вызывать друг друга.

К сожалению, то, что у нас были одинаковые амулеты, вовсе не означало, что мы с Уолтом встречались. На самом деле между нами ни разу не было ничего такого, что могло бы сойти за нормальное свидание. Хотя, наверное, если бы Уолт пригласил *меня*, я бы с радостью согласилась. Уолт был такой милый, и такой красивый, и такой... в общем, практически идеал. Честное слово, если бы он вел себя поувереннее, я бы непременно в него влюбилась. И наконец сумела бы избавиться от своих дурацких чувств к тому, другому, парню. Ну который такой весь из себя божественный.

Но Уолт умирал. И почему-то вбил себе в голову, что по отношению ко мне было бы нечестно завязывать серьезные отношения в таких печальных обстоятельствах. Как будто меня бы это остановило... Но в итоге мы с ним застряли в состоянии неопределенности, которая иногда просто сводила меня с ума. Мы вроде бы заигрывали друг с другом, болтали часами напролет обо всем на свете, пару раз даже целовались, когда немного теряли бдительность... Но

в конце концов Уолт всегда замыкался и отгораживался от меня, не подпуская к себе слишком близко.

Ну почему, почему в жизни все так сложно?

Я как раз думала об этом, когда, сбегая вниз по лестнице, чуть не налетела на Уолта.

– Ой! – пискнула я. И тут обнаружила, что он по-прежнему расхаживает в джинсах, в своей любимой майке без рукавов и босиком.

– Ты что, еще не собрался? – ахнула я.

– Я не иду, – сообщил он.

У меня отвисла челюсть.

– Как это – не идешь? Почему?

– Сейди, послушай... Вам с Картером может понадобится моя помощь, когда вы отправитесь к Тоту. И если мне придется отправляться с вами, я должен отдохнуть.

– Но... – завелась было я, но тут же сама себя осадила. Нечестно с моей стороны давить на него. Я без всякой магии видела, что ему очень и очень больно.

Что же это такое... В нашем распоряжении – многовековой опыт целительской магии, но ни одно из испробованных нам средств не принесло Уолту никакого облегчения. Спрашивается: какой вообще смысл быть магом, если не можешь просто взмахнуть жезлом и сделать так, чтобы близкие вам люди перестали страдать и немедленно выздоровели?

– Ясно, – выдавила я. – Я... я просто надеялась...

Я замолчала, понимая: все, что я ни скажу, будет выглядеть эгоистично. Боги египетские, я ведь так рвалась на этот бал для того, чтобы потанцевать с ним. И нарядилась я тоже ради него. Ничего не хочу сказать плохого о парнях из школы – они славные ребята, но – как бы это сказать? Немного пресноваты по сравнению с Уолтом (ну ладно, хорошо – рядом с Анубисом). А что касается остальных мальчишек из Бруклинского Дома, то танцевать с ними было как-то странно... все равно что флиртовать с собственными кузенами.

– Давай я тоже останусь, – предложила я, хотя, боюсь, не слишком убедительно.

Уолт ответил слабой улыбкой.

– Нет-нет, Сейди, не надо. Правда, не стоит. Уверен, когда вы вернетесь, я буду чувствовать себя гораздо лучше. Повеселитесь там.

С этими словами он шмыгнул мимо меня и потопал вверх по лестнице.

Я постояла, сделав несколько глубоких вдохов-выдохов. В глубине души мне ужасно захотелось остаться дома с ним. Идти и веселиться без него было как-то... неправильно.

Потом я глянула вниз. Все наши старшие ученики столпились в Большом зале, оживленно болтая и смеясь, полностью готовые к выходу. Если я не пойду на бал, они наверняка решат, что тоже должны остаться.

Мне было так тяжело, словно все мои внутренности залили жидким цементом. Радость и возбуждение от долгожданного праздника куда-то улетучились. После стольких лет, проведенных в Лондоне, все эти месяцы я изо всех сил старалась привыкнуть к жизни в Нью-Йорке. Поверьте, очень нелегко балансировать между занятиями магией и проблемами, с которыми сталкивается любая обычная девчонка-школьница. И вот теперь, когда эта школьная вечеринка предоставила мне шанс свести оба моих мира воедино и провести просто приятный вечер без затей, все мои надежды были в одночасье перечеркнуты. Конечно, мне все равно придется пойти и сделать вид, что мне очень весело, но теперь я сделаю это исключительно из чувства долга, чтобы не подвести остальных.

Наверное, подумала я, именно так постоянно чувствуют себя взрослые. Жуть.

Единственное, что слегка подняло мне настроение, было явление Картера в облике юного профессора: в брюках со стрелками, рубашке с галстуком и пиджаке. Бедняга... ну конечно, он ведь никогда не был на танцах. Он и в школу-то никогда не ходил. Одним словом, безнадежный случай.

– Выглядишь... отпадно, – отреагировала я, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица. – Ты в курсе, что мы идем на вечеринку, а не на похороны?

– Заткнись, – огрызнулся братец. – Пойдем уже и покончим со всем этим.

Школа, которую мы посещали вместе с нашими учениками, называлась Бруклинской академией для одаренных. Несмотря на столь помпезное именование, она была вполне ничего. Практически все ученики демонстрировали всяческие таланты в области рисования, музыки или актерского мастерства. Уроки проводились по гибкому графику, ученикам предоставлялось много времени для самостоятельных занятий, что нас, магов, полностью устраивало: при необходимости мы легко могли отлучиться, чтобы повоевать с какими-нибудь монстрами. К тому же благодаря магии нам не составляло труда убедить всех вокруг, что мы очень даже одаренные. Элисса, например, ваяла скульптуры с помощью магии земли, Уолт специализировался по ювелирному делу, а Клио проявила недюжинный писательский талант, используя в качестве сюжетов истории и мифы, забытые со времен Древнего Египта. Ну а мне даже не приходилось обращаться к волшебству, чтобы доказать, что я – прирожденная актриса.

(Картер, хватит хихикать.)

Трудно ожидать подобного посреди Бруклина, но территория нашей школы представляла собой довольно большой парк, с зелеными лужайками, аккуратно подстриженными деревьями и живыми изгородями. У нас был даже свой маленький пруд с утками и лебедями.

Танцы устраивали под большим навесом напротив административного корпуса. Рядом в беседке играла музыкальная группа. Деревья были украшены гирляндами фонариков, бдительные учителя патрулировали территорию, следя за тем, чтобы кто-нибудь из старшеклассников не смылся в кусты.

Я старательно гнала эти мысли, но нарядная толпа и музыка сразу же напомнили мне вечеринку в Далласе прошлым вечером, которая так плохо закончилась. Я вспомнила, как Джей-Ди Гриссом потряс мне руки, желая нам удачи перед тем, как броситься спасать свою жену.

Жуткое чувство вины накрыло меня с головой. Нет, так не пойдет, решила я, встряхнувшись. Разве бедняге Гриссому и его жене поможет, если я разрыдаюсь посреди вечеринки? Не стоит мешать нашим ребятам веселиться – они вполне заслужили отдых.

Когда наши ученики рассеялись в толпе школьников, я повернулась к Картеру. Судя по тому, как братец нервно теребил свой дурацкий галстук, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Картер, – объявила я, – ты тоже обязательно должен потанцевать.

– Что? Я? – в ужасе воззрился на меня братец.

Не теряя времени даром, я окликнула одну из своих подружек из числа смертных, Лейси. Она на год младше, а потому смотрела на меня снизу вверх с нескрываемым обожанием (согласна, тут трудно устоять). Лейси заплетала свои светлые волосы в косички, носила брекететы на зубах и казалась единственным человеком на вечеринке, который нервничал сильнее, чем мой брат. Она уже видела Картера на фотографиях, которые я ей показывала, и даже нашла его «классным». Впрочем, я решила, что это вполне простительно. Во всем остальном у нее был превосходный вкус.

– Лейси – Картер, – представила я их друг другу.

– А ты точь-в-точь такой, как на фотографиях, – ухмыльнулась Лейси, и я заметила, что сегодня ее брекететы выкрашены белым и розовым – под цвет ее платья.

– Э-э, – высказался Картер.

– Он не умеет танцевать, – сообщила я Лейси. – Я буду очень тебе благодарна, если ты его поучишь.

– Конечно! – радостно взвизгнула она, после чего ухватила моего братца за руку и куда-то потащила.

Мне немного полегчало. Пожалуй, решила я, этот вечер будет не совсем потерян и все-таки удастся получить от него удовольствие.

Я повернулась и тут же нос к носу столкнулась с представительницей мира смертных, которую была рада видеть меньше всего: это была Дрю Танака, предводительница весьма популярной в школе клики гламурных девиц. Ее свита, состоящая из редкостных тупиц, зато с внешностью супермоделей, как всегда, толклась у нее за спиной.

– Сейди! – заворковала Дрю, приобнимая меня рукой и обдавая густым ароматом духов, в которых, кажется, розы смешались со слезоточивым газом. – До чего приятно видеть тебя, дорогуша. Если бы я знала, что ты придешь сегодня, мы бы прокатали тебя с нами на лимузине!

Ее приятельницы, изображая огорчение, выдали дружное «ах», даже не потрудившись стереть с лица улыбки. Одеты они были все примерно одинаково – в какие-то шелковые супермодные дизайнерские штуки, которые родители наверняка прикупили им на последней «Неделе высокой моды». Дрю среди них была самой высокой и самой гламурной (в худшем смысле этого слова). Сегодня она щеголяла жуткой розовой подводкой вокруг глаз и черными кудряшками – личным вкладом Дрю в крестовый поход за возрождение перманента 80-х. На шее у нее поблескивала цепочка с платиновой, усыпанной брильянтами подвеской в виде буквы Д – не то первой буквы ее имени, не то ее любимой отметкой².

Я натянуто улыбнулась.

– На лимузине? Ух ты! Только я сомневаюсь, что с тобой, твоими подружками и вашим раздутым самомнением там нашлось бы место еще и для меня.

– Фу, какая ты! – надула губки Дрю. – А где же Уолт? Бедному малышу все еще нездоровится?

Кое-кто в ее свите нарочито закашлял в кулачок, изображая Уолта.

Мне страшно захотелось немедленно достать из Дуата свой посох, превратить всех этих нахалок в червей и пустить на корм уткам. Я не сомневалась, что у меня бы все отлично получилось, и даже была уверена, что никто не станет по ним особенно скучать, но все-таки решила сдержаться.

Лейси предупредила меня насчет Дрю в самый первый день, когда я пришла в школу. Кажется, они обе как-то оказались в одном летнем лагере – я не очень вникала в детали, – и Дрю проявила себя там настоящим деспотом.

Однако это не означало, что ей было позволено тиранить меня.

– Уолт? – переспросила я. – Уолт остался дома. Хотя я говорила ему, что ты непременно будешь на вечеринке. Забавно, но мне показалось, что это не очень его вдохновило.

– Как досадно, – вздохнула Дрю. – Хотя знаешь, мне кажется, на самом деле он вовсе не болен. Наверное, у него просто аллергия на тебя, дорогуша. Такое иногда бывает. Думаю, мне стоит навестить его. Отнести ему куриного бульончику и все такое... Где он живет, не подскажешь?

Она состроила сладенькую улыбочку. Уж не знаю, правда ли ей так нравился Уолт, или она просто решила подразнить меня из вредности. В любом случае желание превратить ее в червяка стало еще более острым.

Я уже была готова на любое безрассудство, но тут знакомый голос у меня за спиной произнес:

– Здравствуй, Сейди.

² В США принята буквенная система оценок, D соответствует «тройке», или «удовлетворительно».

Остальные девицы хором ахнули, а мой пульс мгновенно переключился с режима «спокойная ходьба» на «спринтерский забег». Я обернулась и действительно обнаружила, что на нашу скромную танцевальную вечеринку заявился сам бог Анубис.

И ему еще хватало наглости выглядеть, как всегда, сногшибательно. Нет, ну это просто возмутительно... Облегающие черные джинсы, кожаные ботинки и байкерская куртка поверх майки от группы «Arcade Fire» (слышала их альбом «Похороны», как же) смотрелись на нем просто отпадно. Черные волосы были взлохмачены, как будто он только что встал с постели, и мне пришлось срочно подавить безумное желание запустить в них пальцы. В карих глазах горели веселые искорки – то ли он в самом деле был рад меня видеть, то ли его забавляло мое волнение.

– О... мой... бог, – пискнула Дрю. – Кто...

Анубис даже не взглянул на нее (за что ему большое спасибо) и с милой старомодностью подставил мне локоть.

– Могу я пригласить тебя на танец?

– Думаю, можешь, – ответила я со всей равнодушной небрежностью, какую только сумела изобразить. После чего сунула руку ему под локоть, и мы удалились под дружные перешептывания свиты Дрю, в основном содержащие различные вариации на тему «О мой бог!».

Вот уж нет, хотелось сказать мне. Вообще-то это *мой* потрясающе классный бог. А вы поищите себе собственного!

Неровная брусчатка, которой был выложен двор, превращала танцы в довольно опасное занятие. Танцующие то и дело спотыкались, и в немалой степени из-за Анубиса, на которого все без исключения девчонки таранились с открытыми ртами, пока он вел меня сквозь толпу.

Хорошо, что Анубис держал меня под руку, потому что от душевного смятения у меня начала кружиться голова. С одной стороны, я была счастлива, как дурочка, что он пришел. А с другой – изнемогала от чувства вины: бедняга Уолт мучается дома, а я тут прогуливаюсь рука об руку с другим. А еще я чувствовала громадное облегчение от того, что Уолт и Анубис не оказались здесь оба сразу. Вот это было бы уже запредельно неловко. От этого облегчения вина наваливалась на меня удвоенной тяжестью... Боги египетские, какая же я мерзавка.

Когда мы протолкались на середину танцевальной площадки, музыканты вдруг прекратили свой забойный грохот и заиграли мелодичную балладу.

– Твоих рук дело? – ворчливо осведомилась я у Анубиса.

Он не ответил, только улыбнулся. Потом положил одну ладонь мне на талию, другой взял за руку (настоящий джентльмен, с ума сойти), и мы начали медленно покачиваться в танце.

Сначала мне показалось, что я парю исключительно на крыльях собственных эмоций, но потом обнаружила, что мы и в самом деле поднялись в воздух – всего на несколько миллиметров. Окружающие ничего не могли заметить, зато мы легко скользили над камнями, где все остальные спотыкались.

Картер недалеко от нас неуклюже топтался рядом с Лейси, которая терпеливо пыталась научить его медленному танцу. (Право, Картер, это же не квантовая физика!)

Я подняла взгляд на карие глаза Анубиса и его совершенно очерченные губы. Однажды он поцеловал меня – это было еще весной, в мой день рождения, но я до сих пор не могла прийти в себя. Наверное, вы думаете, что у бога смерти губы должны быть холодные и бесчувственные, да? Так вот – ничего подобного.

Я сосредоточилась, пытаюсь разогнать сладостный туман в голове. Ясно же, что Анубис явился сюда не просто так...

– Я думала... гм, – высказалась я, судорожно сглотнув.

«Молодец, Сейди, блестяще, – оценила я свои успехи. – Ну-ка, теперь давай попробуем построить связное предложение, идет?»

– Я думала, ты можешь появляться только в тех местах, которые как-то связаны со смертью, – выдала я со второго раза.

– А это место очень даже с ней связано, – мягко улыбнулся Анубис. – В 1776 году здесь произошла Битва за Бруклинские высоты. В этой земле, на которой мы с тобой танцуем, лежат сотни американских и британских солдат.

– Как романтично, – пробормотала я. – То есть мы танцуем на их могилах?

– Большинство из них так и не удостоились нормального погребения, – покачал головой Анубис. – Поэтому я и решил навестить тебя здесь. Привидения тоже заслуживают хорошей вечеринки, согласна? Как и твои ученики.

И правда, в воздухе вокруг нас вдруг закружились привидения – тускло мерцающие призрачные фигуры в нарядах восемнадцатого века: кто в красных мундирах британских солдат, кто в разномастных отрепьях ополченцев, а с ними – женщины в простых фермерских платьях или изысканных шелковых туалетах. У некоторых аристократок на голове красовались высокие прически из завитых кудряшек, при виде которых Дрю с ума бы сошла от зависти. Глядя на весело кружащихся в танце призраков, я подумала, что для них звучит какая-то другая музыка... И правда, прислушавшись, я различила отдаленные голоса скрипок и виолончели.

Никто, кроме нас – ни простые смертные, ни даже мои друзья из Бруклинского Дома, – этого призрачного нашествия не заметили. Одна прозрачная парочка провальсировала прямо сквозь Картера и Лейси. И чем дольше мы с Анубисом танцевали, тем сильнее расплывались очертания знакомого парка Бруклинской академии и тем отчетливее становились фигуры привидений.

У одного солдата в груди зияла рана от мушкетной пули. У британского офицера, отплясывающего рядом с нами, из напудренного парика торчал индейский томагавк. А мы продолжали парить в танце между двумя мирами бок о бок с жутко израненными, но довольно улыбающимися призраками. Определенно, Анубис знал толк в том, как развлечь девушку.

– Ты опять это сделал, – нахмурилась я. – Устроил какой-то сдвиг по фазе, или как там это у тебя называется... Вырвал меня из моего мира, в общем.

– Немного, – признался он. – Мне нужно поговорить с тобой наедине. Я пообещал навестить тебя лично...

– И ты это сделал.

– ...но от этого могут выйти неприятности. Возможно, это последний раз, когда я могу тебя увидеть. Кое-кто очень недоволен этой ситуацией...

Я прищурилась. Мне показалось, или бог смерти правда покраснел?

– Этой ситуацией, значит, – повторила я.

– Тем, что мы встречаемся.

От этих слов у меня слегка зазвенело в ушах, как при головокружении. Пришлось постараться, чтобы мой голос звучал спокойно.

– Насколько я понимаю, официально нельзя сказать, что мы «встречаемся». И почему же, ради всех богов, это последний раз, когда мы можем поговорить?

На это раз Анубис точно покраснел.

– Прошу тебя, просто послушай. Мне нужно так много сказать тебе. Твой брат придумал все правильно. Тень Апопа – главное, на что вам стоит надеяться, но научить вас нужной магии сможет только один человек. Тот, наверное, сумеет кое-что подсказать, но я сомневаюсь, что он откроет вам тайные заклинания. Это слишком опасно.

– Погоди, погоди, – спохватилась я. В голове у меня все еще крутились слова насчет того, что мы «встречаемся». И про то, что, возможно, сегодня я вижу Анубиса в последний раз... От этой мысли мои мозговые клетки ударились в крошечную панику – как будто внутри моего черепа металась тысяча крохотных Сейди, рыдая и заламывая руки.

Так, надо сосредоточиться.

– Ты имеешь в виду, что у Апопа в самом деле есть тень? И ее можно использовать для экзекрации...

– Пожалуйста, не произноси это слово, – поморщился Анубис. – Ну да, у всех разумных существ есть душа, а значит, и тень – даже у Апопа. В этом я разбираюсь... я ведь проводник усопших, не забывай. Души – моя работа. А вот насчет того, можно ли использовать душу Змея против него... Теоретически – да. Но это сопряжено с большими опасностями.

– Само собой.

Анубис прокружил меня прямо сквозь парочку призрачных колонистов. Школьники тарасились на нас и перешептывались, но их голоса казались далекими и странно искаженными, как будто звучали по ту сторону водопада.

– Сейди, – сказал Анубис, глядя на меня с нежным сожалением. – Я не стал бы направлять тебя этой дорогой, если бы у вас был другой путь. Я не хочу, чтобы ты погибла.

– Вот тут я полностью с тобой согласна, – буркнула я.

– Даже говорить об этой разновидности магии строжайше запрещено, – предостерег он меня. – Но ты должна знать, с чем вам предстоит иметь дело. *Шеут* – самая неизведанная часть души. Это... как бы тебе объяснить... послеобраз жизненной силы живого существа. Тебе известно, что души грешников уничтожаются в Судном зале...

– Ага, когда Аамат пожирает их сердца, – кивнула я.

– Верно, – Анубис заговорил тише. – Считается, что при этом душа разрушается безвозвратно. Но на самом деле это не так, потому что тень – *шеут* – при этом сохраняется. Иногда... нечасто, конечно... Осирис принимает решение, так сказать, пересмотреть приговор. Такое бывает, когда кого-то признали виновным в тяжких грехах, но потом стали известны новые обстоятельства, способные послужить оправданием для грешника. И в этом случае должен быть способ вернуть душу из вечного забвения.

Я попыталась осмыслить услышанное, хотя мои бессвязные мысли болтались в воздухе, точь-в-точь как мои ноги.

– То есть... ты хочешь сказать, что тень можно использовать для... гм... перезагрузки души? Вроде как резервную копию?

Взгляд у Анубиса сделался немного странный.

– Ох, прости, – спохватилась я. – Кажется, я провожу слишком много времени со своим братцем, помешанном на компьютерах.

– Нет-нет, – помотал головой Анубис, – ты права, это хорошая аналогия. Просто я никогда не думал об этом с такой точки зрения. Верно, душа не может быть уничтожена полностью, пока существует тень, так что в самых крайних случаях, с помощью особой магии, душу действительно можно «перезагрузить» с помощью *шеут*. И наоборот, если ты решишь уничтожить тень бога, или даже тень Апопа, в ходе обряда экз... в общем, того обряда, о котором ты упомянула...

– То *шеут* сработает гораздо более мощно, чем обычная статуэтка, – догадалась я. – И мы сможем уничтожить его, возможно, не погибнув при этом сами.

Анубис бросил на меня нервный взгляд.

– Да, но теперь тебе должно быть понятно, почему этот раздел магии так строго охраняется. Боги ни за что не допустят, чтобы подобное знание попало в руки смертных. Вот почему мы всегда тщательно прячем наши тени. Сама подумай: если какой-нибудь маг сумеет изловить *шеут* бога и начнет угрожать нам...

– Верно. – Во рту у меня пересохло. – Но ведь я на вашей стороне и собираюсь использовать это заклинание только против Апопа. Наверняка Тот это поймет.

– Возможно. – Убежденности в голосе Анубиса я не услышала. – По крайней мере, начать стоит с Тота. Надеюсь, он согласится помочь вам. Однако я все же боюсь, что вам все равно понадобится более опытное руководство... и более опасное.

Я сглотнула, предчувствуя недоброе.

– Ты сказал, что только один человек способен обучить нас этой магии. Кто?

– Один маг... достаточно безумный, чтобы заниматься изысканиями в области этой запретной магии. Суд над ним состоится завтра, на закате. Тебе нужно успеть встретиться с отцом до того, как это случится.

– Погоди... Что?

Над танцплощадкой пронесся порыв ветра. Анубис крепче стиснул мою руку.

– Нам нужно поспешить, – сказал он. – Мне нужно сказать тебе еще кое-что. Что-то стало происходить с духами умерших. Они почему-то стали... Смотри, вон там!

Он указал на ближайшую пару привидений. Босая женщина в простом холщовом платье танцевала с кавалером в грубовато скроенном сюртуке. Он был бы похож на самого обычного фермера-колониста, если бы только его голова не была наклонена под странным углом к шее, как будто его вынули из петли. Вокруг ног мужчины вдруг обвились похожие на побеги плюща щупальца черного тумана. Они быстро ползли все выше, и вскоре вальсирующий фермер оказался опутан по самую макушку. Темные щупальца потянули его к земле, и через мгновение он исчез. Женщина продолжала танцевать в одиночестве и как будто даже не заметила, что кто-то утащил ее кавалера неведомо куда.

– Что... что это было? – опешила я.

– Мы не знаем, – сумрачно ответил Анубис. – Но мы наблюдаем это тем чаще, чем сильнее становится Апоп. Души мертвых исчезают, как будто их затягивает куда-то очень глубоко в Дуат. Мы даже не знаем, куда именно.

Я застыла.

– Моя мама. С ней все в порядке?

Анубис взглянул на меня с болью, и я поняла, какой будет ответ. Мама ведь меня предупредила: если мы не найдем способ победить Апопа, мы можем больше никогда с ней не увидеться. Она специально передала мне это послание, чтобы я поторопилась отыскать тень Змея. Значит, это наверняка как-то связано с ее бедой.

– Значит, она пропала, – догадалась я. Мое сердце отчаянно колотилось о ребра. – И это как-то связано с тенью, так?

– Хотел бы я знать, Сейди. Твой отец... он изо всех сил пытается разыскать ее, но...

Его слова заглушил сильный порыв ветра.

Вам когда-нибудь приходилось высовывать руку из окна машины, идущей на большой скорости, так, что воздух давит на кожу, как плотное вещество? В этот раз ощущения были примерно такие же, только в десять раз сильнее. Неведомая сила отбросила нас с Анубисом друг от друга, и я чуть не упала, споткнувшись: мои ноги стояли на земле.

– Сейди... – Анубис потянулся ко мне, но его отбросило еще дальше.

– Прекратите немедленно! – раздался рядом визгливый голос. – Чтобы при мне никаких непристойных публичных демонстраций!

Воздух между нами сгустился, приняв форму человеческой фигуры – поначалу прозрачной и зыбкой, а потом все более плотной и цветной. Теперь передо мной стоял мужчина, одетый, как авиатор Королевских воздушных сил времен Второй мировой войны: кожаный шлем, защитные очки, шарф и летная куртка. Однако его очертания все время двигались и смещались, и вскоре я поняла почему: его тело состояло не из плоти и крови, а из соединенных вместе обрывков мусора: комков грязи, обрывков бумаги, летучих семян одуванчика, сухих листьев и прочего. Все это кружилось и трепетало в воздухе, но при этом удерживалось вместе так плотно, что издавек прищельца можно было принять за обычного человека.

– Это уже слишком, мальчишка! – гневно заявил он, ткнув пальцем в Анубиса. Его голос походил на шипение сочащегося из баллона воздуха. – Тебя много раз предупреждали.

– Эй, погоди-ка! – встрепелась я. – Ты вообще кто? И Анубис вообще-то не мальчишка. Ему пять тысяч лет, между прочим.

– Вот именно! – рявкнул авиатор. – Совсем щенок! А тебе, девчонка, вообще никто слова не давал!

Авиатор взорвался. Причем с такой силой, что у меня чуть перепонки в ушах не полопались. Я шлепнулась на задницу. Прочие смертные вокруг меня – мои друзья, учителя, школьники, – без звука повалились на землю. Кажется, только на Анубиса и привидений ничего не подействовало. Фигура авиатора снова соткалась из воздуха, злобно уставившись на меня.

Я кое-как поднялась на ноги и попыталась достать из Дуата свой посох. Естественно, ничего не вышло.

– Что ты сделал? – возмутилась я.

– Сейди, ничего страшного, – вмешался Анубис. – Твои друзья просто потеряли сознание. Шу понизил давление воздуха.

– Шу? – удивилась я. – Что еще за Шу?

Анубис на мгновение прикрыл глаза, прижав к вискам пальцы.

– Сейди... Я же тебе говорил. Шу, мой прадедушка.

До меня вдруг дошло. Точно, я уже слышала это дурацкое имечко. Кто же он...

– А, ясно. Бог... шлепанцев. Нет, погоди. Бог дырявых покрывал. Нет...

– Воздух! – раздраженно прошипел Шу. – Я бог воздуха!

Его тело снова распалось на смерч из кружащегося мусора. Когда фигура бога оформилась снова, он уже был в обычном древнеегипетском наряде: с обнаженным торсом, в белой набедренной повязке и с огромным страусиным пером, торчащим из-за плетеной ленты на голове.

Силуэт снова рассыпался и возник в том же костюме британского летчика.

– Да, так лучше, – согласилась я. – А это страусиное перо совсем тебе не идет.

Шу отозвался весьма недружелюбным шипением.

– Благодарю, вообще-то я предпочитаю быть невидимым. Но вы, смертные, до того загадили воздух, что это становится все сложнее и сложнее. Просто кошмар, что вы сотворили с атмосферой за истекшие тысячелетия! Вы вообще представляете, что значит защита воздуха от загрязнения? О «днях без автомобиля» слышали? Или о гибридных двигателях? И даже не говори мне о коровах! Знаешь, что всего одна корова, рыгая и пукая, выделяет в воздух до ста галлонов метана в день? А сколько коров в мире, знаешь? Полмиллиарда! Догадываешься, что они творят с моей дыхательной системой?

– Гм...

– Это же ужас! – Шу с возмущенным видом вынул из кармана куртки ингалятор и приснул себе в рот.

Приподняв бровь, я глянула на Анубиса – судя по всему, смертельно сконфуженного (или бессмертно сконфуженного, так будет правильнее).

– Шу, – сказал он примирительно, – мы же просто разговаривали. И если ты позволишь нам закончить...

– Ах, разговаривали! – прошипел Шу с таким ядом, что выброс метана в атмосферу неизбежно должен был возрасти многократно. – Держась за ручки и танцуя, да? Безобразие! Не надо мне тут изображать невинность, мальчик. Ты ведь знаешь, я эти штучки насквозь вижу! Я веками удерживал твоих бабушку с дедушкой на расстоянии, принуждая соблюдать приличия!

И тут я вспомнила историю про Геба и Нут – землю и небо. Ра приказал Шу, отцу Нут, разлучить влюбленных, чтобы у них никогда не появились дети, способные отобрать у Ра трон. Метод, как известно, не сработал, но Шу, видимо, не оставлял попыток.

Бог воздуха пренебрежительно махнул рукой в сторону лежащих без сознания смертных, кое-кто из которых уже начал стонать и шевелиться.

– И вот теперь, Анубис, я застаю тебя в этом прибежище порока, этой трясине беззакония, в этом... в этом...

– В этой школе? – предположила я.

– Да! – Шу закивал так энергично, что его голова разлетелась облачком сухих листьев. – Тебе известно постановление богов, мальчишка. Ты недопустимо сблизился с этой смертной, а потому всякие контакты между вами отныне запрещены!

– Что? – возмутилась я. – Это же смешно! Кто принял такое решение?

Шу снова зашипел, как лопнувшая шина – то ли рассмеялся, то ли огрызнулся.

– Это решение общего совета, девчонка! Под председательством владыки нашего Гора и владычицы Исиды!

Я почувствовала себе так, словно сама распадаюсь на кучку мусора.

Исида и Гор? Быть такого не может. Выходит, удар в спину мне нанесли те, кого я считала своими друзьями? Ладно, Исида, я тебе еще скажу пару ласковых.

Я резко повернулась к Анубису в надежде, что он немедленно заявит, будто все это злонамеренная ложь. Но он только с несчастным видом развел руками.

– Сейди, я пытался сказать тебе. Богам не позволено напрямую... гм... взаимодействовать со смертными. Это возможно лишь в том случае, когда бог вселяется в человеческое тело... а я, как ты знаешь, никогда такого не делал.

Я скрипнула зубами. Мне хотелось возразить, что у Анубиса и так, гм, все в порядке с телом, но ведь он не раз говорил мне, что может являться только во снах или в местах, связанных со смертью. В отличие от других богов, он никогда не пользовался людьми в качестве носителей своего духа.

Все это чертовски несправедливо. У нас ведь не было даже ни одного настоящего свидания! Всего один поцелуй полгода назад, а теперь Анубису запрещено видаться со мной до скончания времен!

– Ты шутишь, наверно. – Даже не знаю, кто взбесил меня больше: пекущийся о приличиях вредный бог воздуха или сам Анубис. – Не можешь же ты позволить им обращаться с тобой таким образом?

– А у него нет выбора! – рявкнул Шу и тут же закашлялся с такой силой, что его грудь взорвалась облачком одуванчикового пуха. – Уровень озона в вашем Бруклине никуда не годится! Одним словом, ты понял меня, Анубис. Больше никаких контактов с этой смертной. Это неприемлемо. И тебя это тоже касается, девчонка! Держись от него подальше, ясно? У тебя есть занятия поважнее.

– В самом деле? – разозлилась я. – А как насчет тебя, мистер Мусорный Торнадо? Мы тут готовимся к войне, а ты занят тем, что не даешь людям нормально потанцевать?

Давление воздуха внезапно выросло так, что у меня зашумело в голове.

– Гляди же, девчонка, – хрипло заворчал Шу. – Я уже помог тебе больше, чем ты того заслуживаешь. Я внял мольбам этого русского мальчишки и перенес его сюда из самого Санкт-Петербурга, чтобы он мог поговорить с тобой. А теперь брысь отсюда!

Резкий шквал отбросил меня назад. Привидения развеялись, как облачка дыма. Смертные начали приходить в себя, растерянно отряхивая с лиц мусор.

– Русский мальчишка? – переспросила я, пытаясь перекричать завывания ветра. – О чем ты, ради всего святого?

Шу рассыпался облаком мусора и вихрем закружил вокруг Анубиса, отрывая его от земли.

– Сейди! – Анубис пытался вырваться из смерча, но тот был слишком силен. – Шу, дай мне хотя бы сказать ей про Уолта! Она имеет право это знать!

Я едва слышала его сквозь шум бури.

– Ты сказал – про Уолта? А что с ним?

Анубис прокричал что-то в ответ, но слов я не разобрала. Мусорный смерч полностью скрыл его от меня.

Когда ветер утих, обоих богов уже не было. Я стояла одна посреди танцплощадки в окружении школьников и учителей, которые поднимались на ноги и растерянно оглядывались.

Я хотела броситься к Картеру и убедиться, что с ним все в порядке (правда-правда, Картер, так и было), но тут из темноты на свет фонарей выступил молодой парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.